

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяця.

Предплатя:
на годъ 3 зр. 60 к.
на пѣлъ г. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 нр.

ДРУГЪ

Редакція и адми-
нистрація улицы
Краковская ч. 19.

Неопечатанны ре-
кламаціи принима-
ются на почтѣ без-
платно, и увзглядя-
ются лишь до 14 дней.

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Д Е Н И С Ъ.

повѣсть.

Написаль Михайль Вагилевичъ.

(Продолж.) Не близенько то зъ жолкѣвского пе-
редмѣстья ажъ на больницю.

Зъ разу ишли мы не отзываютися и слова до
себе, но Андреева мусля собъ розмѣрковати, що
путь наша, хотя въ такъ богобойнѣмъ намѣренью,
за долго потребае, щобы ю отбыти можна въ мол-
чанію. Она — а молчати!

Таже молчаніе пѣсля Шекспира подобае тѣлько
озорамъ въ сосѣ и молодымъ дѣвчатамъ... Но озоръ
госпожи сторожевой... Ну дивѣтся, такъ мимо волі
былабы эстетика черезъ мене збанкрутовала.

Якже можна языкъ женщины называти озо-
ромъ? А еще до того языкъ Андреевой, который
не надавался нѣякъ до сосу, бо былъ выправлений
и эластичный якъ юхтъ въденскій и спочиваль
тѣлько тогда, коли Морфей унялъ его властительку
въ свои объятія.

А, того уже за много! извинѣтъ краснѣ чита-
тельки — той эпитетъ належится кождой безъ изъ-
ятія, котора лишень мою грамоту читае — изви-
нѣтъ прошу мене нынѣ — если не завсегда —
якось не иде до складу, хотѣлбы я щось якось
нѣббы то зъ гуморомъ написати, а тутъ — этъ!
куда кумъ до патины? Отъ и передъ хвилею зга-
далъ про якогось Морфея, мабуть не зналъ о тѣмъ,
що той учтивый поганскій божокъ пѣшомъ въ от-
ставку и уже отъ вѣкѣвъ не фунгуе, а на его
мѣстце выкликали поэты цѣлыи легіоны различныхъ
маръ и духѣвъ, которыи на нѣчь на той падолъ
плачу стѣкаются и сонъ на людскіи повѣки спро-
ваджають. Но досытъ буде люзныхъ увагъ —
введенѣе до розправы о говорливости краснѣйшой
половины чолвѣческого роду уже готове — теперь
дальше на той самый камертонъ, бо то уже у насъ
така максима, що если кто кому приступитъ ногу
а скаже „pardon“ то тымъ самымъ увдѣльненный отъ
всякой отвѣчательности... Я перепросиль — а те-
перь до рѣчи:

Дивна то рѣчь — тая говорливѣсть у гдєкото-
рыхъ женщинъ, пѣсля моего мнѣнія уважати ю на-
лежитъ яко дарованіе особенного рода. Бо що ору-
діе мовы т. е. языкъ повинуется имъ пѣдъ кож-
дымъ условіемъ — то менша, но що тамъ у нихъ
муситъ быти за фантазія, яка сила репродукційна,
якій дотепъ различныхъ тѣней и отгѣней, якіи
тѣлько психологія вычислае — то ажъ диво! Не
обдумуючи впередъ, умѣють о всѣмъ щось сказати,
все окрасити и пѣсля своей точки зрѣнія перени-
цювати — а якъ аргументовати знають! Най бы
якій ученый запустился въ диспуту съ ними, тобы
всѣ его доводы и цѣла логика зѣйшли певне на
жебрацкій хлѣбъ. Шкода тѣлько, що истеченіемъ
такъ высокыхъ дарованій суть тѣлько слова, самыи
слова — якъ каже Гамлетъ — и ничъ бѣльше.

Черезъ цѣлу дорогу наслухался я тыхъ слѣвъ
до волі. О чѣмъ не наговорилася менѣ еймость
сторожева, того уже справдѣ не тямлю. Мене тогда
занимали иншіи гадки: За хвилю малъ я станути
у ложа болъзни того, который може одинъ зъ по-
межи всѣхъ людей, щиро спрѣялъ менѣ — а до
того жаль по страть батька, загнѣздившійся глубоко
на днѣ сердца, дополнялъ сумный образъ моего
душевного расположенія.

Прійшли мы до больницѣ, но дверникъ не хо-
тѣлъ насъ впустити извиняючися, що къ посѣщенію
хорыхъ вызначеній певній години, и велѣлъ намъ
прійти пѣзчѣйше. Тутъ придалася вымова моеи то-
варишки. Переконуючо выложила она двернику, що
наше дѣло тутъ дуже важне, що станъ хорого, ко-
торого мы, яко найблизшіи сродники, прійшли по-
сѣтити, дуже опасный и апелювала до его чолвѣко-
любія; а коли и того было за мало, щобы дѣр-
ника змягчити, оповѣла ему цѣлу пригуду съ Ко-
цубалинскимъ съ всѣми додатками и украшеніями,
на якіи тѣлько изобрѣтательный дотепъ женщины
здобутися може.

Дверникъ выслухаль все уважно, и въ пол-
нѣмъ знанію своей высокой власти согласился
вкѣнци запровадити насъ до начальника того чол-
вѣко-любного заведенія, где однакожь такъ тяжко
дѣстатися до дорогихъ сердцю хорыхъ, якъ въ

старинныхъ временахъ быти припущенымъ до египетскихъ мистерій.

Начальникомъ больницы былъ тогда дръ Б. — бачу уже небощикъ. — Знанный онъ былъ въ нашомъ городѣ яко знаменитый лѣкаръ и добрый чоловѣкъ. У него справа наша пошла скорше ижь у дверника. Выслухавши насъ ласкаво, зазвонилъ на служащего и велѣлъ запровадити насъ подъ число, где помѣстили Коцубалинского.

Що дѣялося съ мною, коли я ступалъ по просторыхъ куритарахъ дома болѣзни? — Днесъ собѣ зъ того sprawy здати не умю и кто знае, чи и тогда былъ я способенъ здати собѣ рахунокъ зъ моихъ мыслей и чувствъ. Бывають бо хвилі въ житію чоловѣка, коли чувства возьмутъ верхъ надъ розумомъ и розвагою и розыграются якъ бурливе море; чоловѣкъ подобенъ тогда лоді безъ кормчого и кормила, верженой на ласку або неласку волнамъ, не знаючи, чи дѣбѣся до берегу, чи затоне въ розгуканой безднѣ.

Прийшли мы подъ число. Комната вправдѣ простора, чисто выбѣлена и видна, но щожъ зъ того, коли не радѣсть, не веселіе въ ней пробувае. Рядомъ по подъ стѣны стояло множество лѣжокъ, а на одномъ зъ нихъ, що найперше впало менѣ въ очи, лежалъ конаючий виробникъ. Конецъ головы свѣтилася свѣчка, а у ногъ клячала черница и зъ якоусь книжки читала мабутъ молитвы за конаючихъ. Такий сцены мусять быти дуже пріятны для прочихъ хорыхъ!

Нашъ проводникъ шепнулъ пару слѣвъ якойсъ грубой, подстарѣлой бабѣ, котора была въ комнатѣ, но не знати по що, чи щобы коло хорыхъ ходити, чи щобы ихъ стоны своимъ басовымъ голсомъ приглушувати — и она указала на одно лѣжко въ самомъ кутику, на которомъ спочивалъ мой добрый опькунъ.

Мы подошли къ нему.

Онъ лежалъ нерухомый. Чи спалъ, чи былъ въ станѣ безчувствія? Тварь малъ подвизану, а черты лица такъ змѣнилися, що годъ его было пѣзнати. Тѣлько нѣсь, та стереотипова окраса его твари, не стратилъ ничего зъ своего объема, тѣлько змѣнилъ барву — бо завсѣгды впадалъ въ сине а теперъ змѣнилъ фіолетомъ.

Хвильку стояли мы надъ его ложемъ. Я молчалъ, а добра Андреева обтирала очи рубцемъ фартушка; наконецъ отворилъ онъ повѣки и мрачнымъ взоромъ поглянулъ докола себе. Око его спочило на мнѣ и знать пѣзналъ мя, зрѣница его розъяснилася и силовался усмѣхнути...

— То ты, Денисе? прошепталъ слабымъ голосомъ.

Я приблизился. Онъ вытянулъ худую руку, на которой я зложилъ сердечный поцѣлуй.

Добре, щось прійшошь, небоже — говорилъ онъ дальше — бо тажко прійшлобы менѣ умирати не побачивши тебе.

Менѣ слезы тиснулися до очей а Андреева таки въ голосъ зарыдала.

— Вы пожіете еще — заголосила и закрыла лице цѣлымъ фартушкомъ.

— Пест! — засычала баба, которой вѣдай препоручено надзирати порядку — тутъ другі хорі!

— О нуждо чоловѣка — подумалъ я собѣ — тутъ навѣтъ доброй женщины не дадутъ заплакати собѣ до волі.

Разъ сказаль Шиллеръ: „Die Weiber werden zu Hueneen“! Ой не пересадишь небощикъ поэгъ; ктобы сомѣвался о томъ, найбы поглянулъ тѣлько на тую бабу.

Не кажу уже цѣла ея постава, бо подъ такими условіями не малъ я досыгъ часу ей придивитися, но уже самъ взоръ той женщины, которымъ змѣрила насъ отъ стѣпъ до головы, былъ въ состоянію все инше внушити хорому. тѣлько не упованье къ ея достойному лицу. Яку приклонясть, яке матерне сердце и любовь оказувала она къ хорымъ, пересвѣдчился я сейчасъ на моемъ опькунѣ, который скоро зачулъ ея голосъ, вздрогнулъ въ цѣломъ составѣ и благательнымъ взоромъ здавался просити Андрееву, щобы перестала плакати и увѣльнула его отъ пріятности чути еще разъ голосъ той сирены.

Хвилю тревало молчаніе.

— А якъ тамъ маеся твой батько? — вопросилъ мене онять мой опькунъ.

Я молчалъ. Слезы стали за отвѣтъ.

Онъ зрозумѣлъ мене и покивалъ сумно головою.

— Такъ то, такъ! Га, каждый мусить повинну дань смерти сплатити!

— Уже ихъ не засталъ — замѣтилъ я.

— Старѣсть — не радѣсть. А смерть не дае долго на себе ждати.

Тутъ сухой кашель перервалъ ему бесѣду.

— Добре, щось прійшошь — продолжалъ по хвилі — не умру не поблагословивши бодай тебе.

Зновь замолкъ, — отдыху ему не стало, и я молчалъ, бо не умѣлъ еще тогда — ба и теперъ не умю то, що сердце чувствуете, прибирати въ слова.

— Приступи близше до мене — отозвался по хвилі мой опькунъ — най ся добре тобѣ придивлю.

Я улякнулъ при его дожи; онъ дрожашою рукою обнялъ мою голову и притиснулъ къ своей груди.

— Не плачь, сыну... такъ видко призначено, щобы мы розлучилися...

— О, то не може быти! — перервалъ я ему — самъ Богъ не схоче оставити мене самого на свѣтъ!

— Вы еще не умрете, куме Коцубалинскій — прибавила Андреева, вы моей Юстиси, своей покрестници, будете еще за старосту.

Но староста in spe зайшолся отъ кашлю, на спеченны уста выступила кровава пѣна. Сплюнуль — скипѣла кровь. Онъ усмѣхнулся сумно всказуючи очима на знаки крови на постели и додалъ:

— Ото знамена моеи долгои жизни! Сухоты, мои милыи сухоты... отъ давна уже носилъ я насъвѣе смерти въ груди, а послѣдня моя пригода приспѣшила тѣлько катастрофу.

— Но якъ то сталося — спросила Андреева, що и тутъ не могла перемочи женскои любопытности.

— Отъ, уже добре того не памятаю; но мнѣ здася, що зо мною не зайшло ничъ чрезвычайнаго: ишло ходникомъ, упалъ, потолкъся на камень и тѣлько всего... Ой не шановался чоловікъ...

Тутъ востхнуль тяжко мѣи опѣкунъ и спять лихій кашель не далъ ему дальше говорити; но я не требовалъ дальшой интерпретаціи его сумной пригоды. Навѣть не дуже догадливый читатель може розмѣрковавши обстоятельство, догадаться, що головою пружиною цѣлого нещастья было „не ма страху,“ который то плывъ мае то до себе, що дѣйствуе на ноги чоловіка и попутае ихъ якимись невидимыми путами такъ, що легко навѣть на рѣвномъ ходнику може упасти.

Еще больше утвердился я въ моемъ домыслинїю, коли по хвили мѣи опѣкунъ перемѣгши кашель, дальше такъ рѣчь провадилъ:

— Сыну, будь завсѣгды тверезый и не надуживай здоровля, бо здоровье — то дороговѣнна рѣчь, а такъ легка якъ пухъ, часомъ леда вѣтрець а розвѣсея якъ пухъ, и годъ уже отыскати его — а купити уже не можна за всѣ скарбы свѣта... Я инакше укладаль собѣ, — я полюбилъ тебе якъ сына, хотѣлъ выпроводити на моде и при тобѣ прожити колисъ спокойну старбсть. Но видко неба инакше судили.

Пристануль, щобы зачерпнути отдыху.

— Не плачь, не плачь! — продолжалъ — Ты уже не дитина, — дашъ собѣ раду въ свѣтъ. Поступай тѣлько такъ дальше, якъ доси, а дойдешъ до цѣли. Тѣлько тримайся завсѣгды прямои дороги и уникай манѣвцѣвъ, бо на манѣвцяхъ часто блудъ бересе. А кто разъ зблудитъ, тому уже тяжко трафити назадъ на пряму дорогу. Съ людьми обходися уважно, но завсѣгды прїязно, бо лучше мати десять прїятельѣвъ, нѣжъ одного ворога, а уникай

такихъ, которыхъ поступки не дадутся опредѣлити такъ, якъ летъ птаха въ воздухъ.

Опять перервалъ ему кашель бесѣду.

— Куме, успокойтесе — отозвалася Андреева — бесѣда вамъ зашкодити може!

— Эй, мнѣ уже ничъ не поможе и ничъ не зашкодитъ!

А звертаючися до мене говорилъ дальше, но но уже слабшимъ голосомъ:

— Съ высшими отъ себе будь смиренный, но николи не унижайся, бо униженъе граничить о пѣдлѣсть; для рѣвныхъ будь прїязный и учинный, для низнихъ завсѣгды ласкавый. Тѣлько передъ прїятелемъ, на которого числити можешъ, отвирай свое сердце, а и съ тымъ обходися такъ, щобы онъ не змѣрковалъ, що его потребуешъ. Учися пыльно, не лишень, коли мусишь, но завсѣгды, бо наука, то сокровище, которого ти никто не отбере, то капиталъ, который завсѣгды рентуесе.

Замолкъ, и я чуль выразио, якъ груди его тяжко робили.

— Бувай здоровъ, сыну — отозвался еще голосомъ пригаслымъ — хвилй мои почисленїя, а я еще не обраховался съ Богомъ. И мнѣ треба благословенїя на путь незнау такъ, якъ я тебе благословлю на путь житья.

Тутъ зложилъ руки на мою голову:

— Бувай здоровъ и щастливъ... Я за гробомъ... молитися буду о тобѣ. И вы Андреева... — прибавилъ звертаючися до сторожевой — бывайте здоровїи... най вамъ Богъ на вашнхъ дѣтѣхъ надгородитъ за щире сердце, съ якимъ вы того сироту пѣднимали... Лишьтѣ мене самого.

Мы отдалилися: Андреева заходячися отъ плачу, а я — мнѣ уже слезъ не стало.

По полудни посѣтилъ я зновъ мого опѣкуна. Станъ его здоровля погѣршился; ледви здужалъ исповѣдатися и приняти св. тайны, а пѣдъ вечеръ уже — скончался.

Передъ всѣмъ треба было подумати о похоронѣ Коцубалинскогго. Онъ прецѣнь заслужилъ собѣ, щобы его выкупити зъ пѣдъ секційного ножа и похоронити якъ чоловіка; щожъ, коли и за тое треба заплатити, а тутъ цѣлый движимый и недвижимый инвентарь, якїй дѣстался мнѣ по моемъ опѣкунѣ, выстарчалъ ледви на яку нужденну домовину. Вправдѣ умеръ онъ въ больницы, где много около чловѣчества заслуженыхъ людей скончалося. Но о Коцубалинскѣмъ не можна было сказати, що на немъ за житья не позналися, а затѣмъ не можна было сподѣватися, щобы вразъ съ его смертію невдячне чловѣчество пробудилося и оцѣнило его заслуги и бодай изъ складокъ справило ему вели-

чавый похоронъ. Нѣтъ! — съ моимъ опытною обходилася судьба справдъ якъ мачоха, но не съ иронією. Онъ не былъ славнымъ, а заслужилъ коло одного чоловіка, тожь малъ право до вдячности тѣлько одного, а той одинъ кромъ слезъ и тихой молитвы ничь бѣльше не мѡгъ ему пожертвовати.

Но годъ, — якось конче треба было собъ порадити. Я удался до домѡвъ, где удѣлялъ лекціи, оповѣлъ цѣлу справу, извинилъ зъ долшого отсуства и просилъ о якій задатокъ а conto моеи мѣсячной платы. И дивѣтъ — люде не суть такъ злыми якъ о нихъ пессимисты говорятъ: не отправили мя съ ничимъ. — Узбиралася яка-така сумка, а коли и того выдалося за мало, то фаготъ мусѣлъ мандровати до заставы, а я таки поставилъ на своемъ и справилъ послѣдню прислугу моему опытунови.

Тихій то былъ похоронъ.

За домовиною ишолъ я, Андрей и Андреева съ родиною, а бѣльше не было никого. Бо съ тысячи людей, которые туды улицею снулися, ктожь зналъ житѣ того чоловіка, кому прійшло на гадку, яке сердце замыкала на вѣки проста домовина?

Судьба рѣшилася: осталъ я самъ на свѣтъ — самъ должень отъ теперъ быти собъ провѡдникомъ, самъ цѣлюю.

ВѢБУРСЬ.

Повернулъ я до дому. Якъ пусто стало теперъ межи чотырма стѣнами! Нй до кого промовити слова, нй передъ кимъ звѣритися. Сталъ я переглядати книжки по дяди Коцубалинского. Было тамъ много цѣнныхъ дѣлъ, но я еще тогда не знался на ихъ вартости и спаковалъ всѣ до одного куферка, который Андреева у себе переховати обовязалася, тѣлько Русса и французску граматику оставилъ собъ до непосредственного ужитку: бо Руссо надаея дуже добде до читанья въ самотныхъ, сумныхъ годинахъ, а по французски намѣрилъ я учитися.

Господаръ камяницъ, въ которѡй я доси обиталъ съ моимъ опытною, велѣлъ освѣдчити менѣ, щобымъ або заплатилъ за квартиру на слѣдующій мѣсяць, або сейчасъ выносилъ, бо онъ наймае хатчинку кому иншому.

Сумно было мнѣ прощатися съ тою комнатою, котора была мнѣ гостинною пристанью тогда, коли я первый разъ пустился на безмежье море житія, где пережилъ чотыри годы, не кажу въ щастью, но завсѣгды въ сунокою и удовольствію. Но годъ! треба было взяти розбратъ съ нею, бо платити не было ѡтки, а накидатися кому тягаромъ, бодай на коротке время, — не соглашаея совсѣмъ съ моими понятіями о достоинствѣ чоловіка.

Треба было конче розстатися съ тыми стѣнами!

— Що намѣряете чинити? — спросила мене Андреева, котора сообщила мнѣ ultimatum господаря.

— Выпроваджуся еще нынѣ.

— То добре, но куда?

— Га...! еще не знаю.

— Я бы вамъ сказала, еслибы мене послухати хотѣли. Добре робите, що ѡтси уступаеся, не потребуеете стояти о ласку господаря, най собъ держитъ тую рудеру, но нѣмъ найдете яку квартиру для себе, то можете у насъ переночовати — мѣстця намъ не заберете. Що пристанете?

— Но чимже я вамъ отвѣчаюся за ваше щире сердце и готовѡсть?

— Этъ, що тамъ...

И добра женщина удалилася съ комнаты, а я не зналъ що подивляти: чи великодушіе тыхъ простыхъ а убогихъ людей, чи интересовнѡсть образованного господаря, который еще до того былъ нѣбы Русиномъ, по крайнѣй мѣрѣ носилъ имя русске. Но добре сказалъ мѡй покойный опытуновъ: Ничь дармо! Тота максима извиняла господаря довольно въ моихъ очехъ.

Сталъ я собъ въ ѡконци, щобы поглянути на знаныи мнѣ предметы и попрощатися съ ними. А хорошіи видъ былъ съ того ѡконця. Тутъ мѣсто прибрало уже бѣльше сельскую шату на себе; сады мовъ вѣнкомъ окружали сусѣдніи дома, а за садами была оболоня, розпространяючася ажъ къ збоискимъ горбкамъ, на которыхъ порозкиданіи нивы подобали зъ далека на поля у шаховницъ. Тіи горбки приводили менѣ дуже на память мои надбужанскіи стороны, тожь не диво, що коли теперъ послѣдній разъ око мое на нихъ спочити мало, то жалко зробилося менѣ на сердци и мимоволі зъ очей покотилися слезы и всякали въ муръ ѡконця, мовъ въ сердце доброго чоловіка.

Еще того самого дня выпровадился я до Андреевъ.

(Прод. слѣд.)

ПЕТРЪИ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалика въ трехъ частяхъ.

(Часть втора).

II. Внучка воеводы.

Середъ гѡрбъ, за мѣсточкомъ Сколемъ, въ околици званѡй Тухольщиною, котру такъ гарно съ ен мешканцями описалъ нашъ Устѡновичъ, взноситеся до значной высоты гора Зелемѣнь. Лѣсами — борами покрытѣ горы окружають того велита, — а въ цѣлѡй околици царствуетъ еще рука первѣстной природы, съ котрою тутъ людска рука не розпочала еще рѣшительной борьбы.

У стѡпъ Зелемени мешкалъ въ часахъ, коли произойшло выше описане нами событіе, одинокій-

старый пасѣчникъ. Его самотна оселя середь лѣса николи не оживлялася людскимъ говоромъ, — хйба тѣлько спѣвы птицъ лѣсныхъ ю перерывали та брѣнячій роѣ пчѣлъ лѣтающихъ на поблизкѣй, цвѣтами усѣяній полонинны, за медомъ. Хйба где разъ або два въ рѣкъ загощували въ хату пасѣчника Семіона гдеякѣ газды изъ поблизкихъ сель за медомъ, або зѣльемъ, бо Семіонъ, якъ звычайно каждый незвычайный и дивачный чоловікъ, славился знахоромъ и чарѣвникомъ.

И справдѣ, въ натурѣ Семіона было богато такихъ дивачныхъ привычекъ, що неможливымъ ему было погодитися съ бѣльшимъ обществомъ людей. Щось такъ оттручуючого, такъ понурого и такъ нетовариского лежало въ цѣлѣмъ его поведенью, що узрѣвши го першій разъ каждый мѣгъ го держати за незнати-якого злодѣя, розбѣйника та нелюда: — а прецѣнь пѣдъ тою грубою, неприступною поверхвностію укывалася щира душа и чувство, не пригуплене вѣкомъ, чувство вѣчно зеленѣюще при поглядѣ на величаву гѣрску природу. Нещастья молодости, сумній пригоды и переслѣдованья выгналы го зъ межы людей, но не убилы въ души его найвысшой признакы чоловіка — чоловіколюбія.

Въ тыхъ часахъ однакожь, о котрыхъ говоримо, частѣйше, якъ звычайно оживлялася людскимъ говоромъ—а навѣтъ смѣхами та радостью—самотна хата лѣсного жителя. Олекса Добошь часто загощувалъ съ гдеякими изъ своихъ молодцѣвъ въ тѣ стороны, часто долго розговорювалъ съ Семіономъ. Душа молодого преступника такъ была полна, такъ была обтяжена тысячными грызотами, що мусѣла выльятися передъ кимсь. Изъ банды своей ѓнъ не мѣгъ никому звѣритися, — и тѣшился здыбавши въ пустыни лѣсовѣй щирого пріятели и опытного порадника. ѓнъ все выповѣлъ ему, що тяжило на сердци,— и, якъ читаемъ въ памятнику Добоша, въ той лѣсовѣй хатѣ уродилося въ души его намѣреніе посвяченья скарбѣвъ своихъ для добра Русинѣвъ.

И теперъ пѣсля нападу на замокъ Шепетинского не занедбалъ Добошь засягнути рады Семіона, що робити съ внучкою ворога, котру зъ мести унѣсъ изъ замку? Опрышокъ, хоть и глубоко чувствовалъ въ сердци бѣль надъ своимъ состояньемъ, сильно еще палалъ ненавистью противъ тому, котрый пхнулъ го на ту плачевную дорогу, все таки не смѣлъ знущатися надъ бѣдною, беспомочною дитиною, послѣднимъ коренемъ вражого ему роду. ѓнъ засягнулъ рады Семіона, твердо вѣрячи, що тойже попре лѣпшій, ласкаві думкы его сердци, — и не ошибся.

— Нѣ, сыну, говорилъ пасѣчникъ, — грѣхъ бы было тобѣ знущатися надъ невинною дитиною, котра тобѣ ничъ злого не зробила. Николи, мѣй сыну, не плямь рукъ своихъ кровію беспомочною невинности,— кровь така зве о месть до неба!

— А щожъ маю робити съ малою?

— Досытъ, сыну, щось позбавилъ го роду, щось мовь вѣтеръ былину, вырвалъ ю изъ рѣднои землѣ и кинулъ межы чужихъ людей! ѓтдай ю до мене. Я, доки вѣку мого, буду еѣ пыльовати и стеречи, — кто знае, яку долю ей Богъ приудилъ!

Добошь послухалъ рады, — Мильця, бѣдна, тревожна пташина, оживила понуру лѣсову клѣть пасѣчника.

Миналы быстро лѣта, шумячи, мовь повѣдь лѣсовыхъ потокѣвъ и такъ само, якъ она, лишаючи за собою лишь намулъ — пусту славу. Богато перевороту сталося на свѣтѣ въ тыхъ лѣтахъ, котрѣ безъ слѣду переплылы по надъ хатою пасѣчника. Лишь голова его побѣлѣла якъ снѣгъ отъ старости, — але его здоровье держалося всегда еще кремѣзне и черстве, — гѣрска, чудна природа, всегда свѣжій воздухъ и умѣрковане житье, то были его пѣдпоры.

И Мильця поволи забывала о своей пышной порѣ дитнячѣй, — згадки про ню усувалысь все въ темнѣйшій закутки еи сердци, и сталися вкѣнци мовьбы якимсь невыразнымъ, мрачнымъ сномъ. За то краса еи розвивалася чимъ разъ пышнѣйше, якъ розвиваеся весною краса чудной цвѣтки въ полонинѣ. Она привыкла до той самотности въ хатѣ, до тыхъ шумячихъ лѣсовыхъ деревъ, до того понурого лица пасѣчника, до того жужжанья пчѣлъ, — а еи чисте, дѣвоче сердце и чувство розвивалося при поглядѣ на природу и при браку людей, котрѣбы своимъ злымъ примѣромъ затрували свободный рѣстъ и розвѣй того пахучого цвѣта.

И съ Добошемъ въ тыхъ часахъ произошла велика катастрофа. Съ упадкомъ Польщи скѣнчилося и его капитанство, — ѓнъ принужденъ былъ укыватися, а потѣмъ пѣдъ розличными назвами, яко убогій жебракъ блукатися по краю. Жѣна его въ Перегинску умерла зъ туги и грызоты, — душа бѣдного изгнанника терпѣла богато, — терпѣла пѣдъ невиннымъ покровомъ таемничости, — терпѣла отъ згадокъ про чорну минувшѣсть и бажала потѣхи, бажала покрѣпленья.

И въ такѣмъ розположенью духа Добошь по пятнадцати лѣтахъ загостилъ зновъ до пасѣчника Семіона. Радѣстно принялъ старецъ страшного колись гостя, — здивована поглядала на него Мильця, — здивованый и очарованый поглядалъ Добошь на ту, котру колись, беспомочне дитя, унѣсъ изъ замку дѣда, — унѣсъ для мести. А теперъ ѓнъ ясно бачилъ, що до иншой цѣлы назначилъ ю Богъ, — ѓнъ чувствовалъ въ души чудну, неизьясниму надѣю, що при ней и съ нею тѣлько душа его набере новой силы, нового покою!

Недолго бавилъ Добошь въ осели пасѣчника, — недолго, — а якъ рѣшительна перемѣна зайшла въ его внутри! Его сердце ожило, — ожило съ новыми

страданьями, съ новымъ счастьемъ, съ новою любовью. Румянючась, якъ вишня отъ сонця, встрѣчала его Мильця, румянючись, а дрожащи слухала долгими вечерами его оповѣданъ про свою жизнь, про давне, минувше та не забудьте горе, — и ей сердце почало отзыватись до неѣ якоюсь незнаною, тихою и солодкою мовою ...

Съ весною року 1800 отбылся слюбъ Добоша съ молодою Емилиєю, внучкою воеводы, послѣднѣю отраслюю родины Шепетинскихъ, котра однакожь давно отомъ забыла и привыкла была, уважати себе за дочку Семіона.

Не долго однакожь пробовалъ Добошъ съ своею молодою женою. Боячись, щобы невыслѣджено его, онъ зновъ оставилъ пасѣчника, зновъ въ жебрачѣмъ одѣнью пошолъ въ свѣтъ широкій, обѣщавши за рѣкъ зновъ явитися тамъ, где тягло его сердца, тягла любовь.

Тужно стало Мильцѣ по его отходѣ, — та туга тотѣ щезала новолі, — часъ и надѣя, небавомъ побачити мужа, потѣшали ю. И все шло звычайнымъ порядкомъ въ пасѣчниковѣй хатѣ, — коли наразъ, — уже пѣзною зимою, — учулъ старый Семіонъ, що полиція, якъ стѣй, мае спасти на его тиху и мирну досѣ хату, щобы зловити жену Добоша. Донѣсъ то старому пасѣчникови одинъ ѡвчаръ, котрый въ зимѣ за кѣлька миль ѣздилъ на Зелемѣнь по траву. Семіонъ цѣлу тую зиму не выходилъ изъ хаты, — старѣсть змагала его, — и въ кѣлька дней по отходѣ ѡвчарѣ онъ умеръ розказавши передъ тымъ Мильцѣ, що ей грозило.

Неописанный жалъ и тревога переняли наскрѣзь сердце молодой женщины, коли побачилася наразъ сама, середь безлюдной, лѣсовой пустыни въ ночи, — съ трупомъ своего, якъ ей видѣлося, отца. Кто пербылъ въ своемъ житію кѣлька хвиль безъ помочи, въ самотѣ, съ трупомъ, — той може представити собѣ, яка тревога стискала душу молодой женщины.

Той ночи родился ей сынъ, — вторе живе существо обѣчь неѣ въ тыхъ лѣсахъ, — предметъ еѣ найгорячѣйшой любви, еѣ старанья и наибѣльшого непокою. Она тряслася надъ нимъ, плакала и смѣялася. — не знала, що дѣлати, а каждой хвилѣ бачилось ей, що уже идуть немилосерднѣ, усатѣ, оруженнѣ посѣпаки, що еѣ берутъ, кують въ тяжкѣй кайданы, що отбирають ей то бѣдне дитя, еѣ единую потѣху, — нѣ, — она не была въ станѣ долше мучитись! Уходити ѡтсебя, — въ наиблизше село, межѣ люде, котрѣ ю и сховають и обороняють, и потѣшатъ, — то была еѣ одина думка.

На другѣй день она принялася за дѣло. Одѣла себе чимъ было, — бо морозъ и метелиця выглянути не давали зъ хаты, — пообвивала дитятко съ материнскою старанностію и слезно прошалася съ тою

мирною, старою хатою, где такъ красно, такъ спокѣйно проплыли еѣ молодые лѣта. Наразъ впала еѣ въ очи псалтырь пасѣчника, — едина книжка, що находилася въ той пустыни, — котрой слова помимо того мѣтелили въ собѣ всю мудрѣть, якоѣ треба для простого, для красоты дѣлъ божихъ отвертого сердца. Зъ неѣ молился пасѣчникъ, — на неѣ училъ онъ ю читати, — зъ неѣ копировала она первыи буквы углемъ на яловѣй, тесанѣй дощцѣ, — въ неѣ и она послѣднѣго року находила потѣху въ тузѣ, — котрой передъ тымъ не потребовала и не понимала. Она взяла съ собою святую книгу въ простѣй вѣрѣ, — що она стане еѣ въ дорозѣ оборонною и зѣдае еѣ милосердіе у Бога и у людей. Потѣмъ перекрестившия и съ слезами уцѣловавши еѣе холодну руку своего кормителя, пошла въ божу путь.

Мильця думала, що въ наиблизшѣмъ селѣ оповѣсть людемъ про смерть пасѣчника и верне съ ними, щобы поховати его смертныи останки. Но совѣмъ иначе сталося. Метелиця позавѣзала грубымъ снѣгомъ все знаемѣ еѣ лѣсовыи стежки, а падающѣй снѣгъ дѣлалъ все такъ неяснымъ, такъ темнымъ, що она небавомъ збилася зъ правоѣ дороги и заблукала въ лѣсѣ. Чи знаете вы, що то значитъ слабѣй женщины, съ дитиною, середь остроѣ зимы блудити по карнацкихъ лѣсахъ? Чи знаете вы, що то значитъ спускатися разъ за разомъ въ темныи, глубокии чагары и боятися за кождымъ шагомъ дикого звѣря, — що то значитъ драпатися разъ за разомъ въ глубокихъ снѣгахъ и мѣлкихъ заметяхъ на высоченнѣй верхѣ, — ставати що хвиль спочивати зъ утрудженя, — а выльзти на верхъ въ отчаянню, долго, махинально, водити въ кругъ очима, и не видѣти въ цѣлѣй далекѣй окрестности ничъ, лишь снѣжнѣй лѣсы, снѣжнѣй долины, та величнѣй чола гѣръ, — котрѣ ажъ генъ-генъ въ далечинѣ невыразно рисують на сѣрѣмъ, похмаренѣмъ небѣ, — видѣтисѣ единымъ живымъ, чувствующимъ существомъ въ цѣлѣй великѣй окрестности?

Тяжело, въ неописанѣй тревозѣ, плыла година за годиною для несчастной женщины. Уже сонце зѣйшло зъ полудня, — она все еѣе блудила безъ вѣдома, безъ цѣли густыми борами. Уже стало и вечерѣти, — морозъ дѣймалъ еѣ до кости, — силы зачали ю оставляти, — она не пытала на зимно, котре ю мучило, — она остаткомъ своего тепла грѣла лишь свое дитятко. И нѣчь уже надѣйшла, — въ лѣсѣ вчаснѣйше, якъ на поли, а еѣе не кончилася лѣсѣ, не уставала метелиця, — тѣлько побѣлшился морозъ. Отчаянне желѣзными, твердыми стопами вступало въ еѣ душу, ранило глубоко еѣе молодѣе сердце, — о, — такѣ хвилѣ въ наиблизнѣйшѣй вѣкъ огненными, пекучими буквами записанѣ въ груди матери!...

Уже нѣчь глуха, темна засѣла землю, — збрвался вѣтеръ, закурилъ снѣгами, — Мильцѣ бракло силъ дальше ити...

— Боже мѡй, — крикнула несчастна зъ глубины душѣ, угнетеной розпукою, — чи такъ же менѣ и погибати?

Въ тѡмъ въ дали крѡзъ пѡтѣму блиснуло слабе свѣтелце, — мовь середь бурного неба одинока, не певна зѡрка надѣи. И надѣя додала силы бѣдной, змученой Мильцѣ, — она въ вихоръ и курявицю на силу доволоклася до мѣсяца, ѡтки походило свѣтло.

Была се одинока, обширна корчма середь лѣсовъ, — отдалена отъ села. Слабо забилося сердце въ скостенѣлой отъ зимна груди нашої подорожной, — она ледви рушалася, — снѣшила до дверей, до свѣтла, до людского товариства

Въ будѣ пѡдъ корчмою, лежалъ лютой. пастьскій песъ. Той, зачувши кроки чужого чоловѣка, збрвался съ страшнымъ гавканьемъ, — и закимъ изъ корчмы здужалъ кто выбѣчи на ратунокъ, кинулся на несчастливу Мильцю, котра и такъ уже ледви на ногахъ держалася. Она съ слабымъ крикомъ упала ва снѣгъ, почувши на груди своей тяжелой лапы звѣря.

Выбѣгъ изъ корчмы жидъ съ слугою. — оборонилъ на пѡлѣ мертву и окровавлену Мильцю, котрой першій рухъ былъ той, що отдала свою дитинку въ руки спасителя.

Страшно выглядала она, коли ю ввели въ корчму! Кинулся, правда, жидъ, сейчасъ ратовати несчастливу, — але долгой треба было муки, чтобы прикликати ю до себе.

— Где я, — где моя дитина? прошептала Мильца.

— Не бѡйся молодежи, — ты межѣ честными людьми, — ничо тобѣ злого не станеся!

— Где дитина моя?

— Дитина твоя здорова, — онъ моя жена взяла ю кормити!

— Богъ заплатъ вамъ, Богъ заплатъ вамъ! прошептала Мильца, — и зновъ опустила ю притомность.

Два дни и двѣ ночи лежала Мильца въ корчмѣ, два дни и двѣ ночи бушовала на дворѣ страшна метѣль, шумѣлъ грозный вѣтеръ и засыпалъ заметями снѣговыми дорогу такъ, що никто зъ корчмы не мѡгъ дѡстатися до села. Кромѣ того жидова жена такожь злягла въ тѡмъ часѣ и породила неживу дитину, на немалый смутокъ отца. А тычасомъ хлопчика Мильцѣй кормила жидѡвка и ѡнъ былъ совсемъ здоровый.

Щожь недужна?

Здоровье ей, до сей поры не знавшѣ такихъ тяжелыхъ ударѡвъ, якѣ мусѣло перебути въ послѣдней добѣ, видимо чахло и увядало. Вступъ ен въ

людске товариство грозилъ быти послѣднимъ крокомъ ен житья, — вступомъ въ могилу.

Наразъ здавалося — давна ен сила почастѣ вернулася. Она сама просила перенести еѣ въ особну комнату, просила подати собѣ стару псалтырь, свѣтло, перо и атраментъ, и цѣлу нѣчь, якъ догадывался жидъ, писала щось дрожучими руками. Просила такожь, чтобы дали ей ен дитинку, и замкнули за собою двери.

Ажь гдѣсь надъ поранкомъ почувъ жидъ слабый стукъ о двери, которѣ отомкнено зъ середины. Слабымъ голосомъ заввала его Мильца до себе и такъ отозвалася до него:

— Добрый чоловѣче, — якъ я маю вамъ дяковати, що вы ласкаво приняли мене бѣдную и спасли отъ смерти то молоде житье. Мене выратовати не было въ вашей силѣ! Богъ вамъ заплатъ за вашъ ширый трудъ!

Тутъ послабъ ен голосъ, — видно было, що се послѣдний, неприродный, проблескъ житья, котре уже зачинало погасати. Но еще разъ скрѣпилася недужна, коротко оповѣла жидови историю своей жязни ажь до той добы, коли побачилася на единѣ — сама съ трупомъ ѡтца (за котрого уважала Семѡна) середь темного лѣса въ смертельной тревозѣ о себе и о свое новонароджене дитя.

— А теперь, — судьба тутъ мене загнала!... Чи могла я о тѡмъ подумати коли?... Боже мѡй милосердный, — ты такъ судиль!... А на васъ, добрый чоловѣче лишаю свѣй найдорожшѣй скарбъ! Отдайте го въ село, або въ найближе мѣсто, — отдайте го межѣ крещеныхъ людей, — я за васъ буду Бога молити на тамтѡмъ свѣтѣ!...

То были ен послѣднѣ слова. Она упала на подушку, — зачала тяжко носити грудьми, — кѡлька разъ еще вытягала судорожно дрожачу руку до псалтыри, лежачои на столѣ, — видимо силувалася щось промовити, — але уже заперло ей мову, — движеня несчастной ставалися цѡразъ слабшѣ, — за кѡлька минутъ Мильца не жила. Вѣсть, що она была женою Добоша, дуже поразила жиды, — ѡнъ боялся, чтобы ему не было якои пенѣ, если стражники найдуть у него ен трупа, — ѡнъ радился съ женою, — и наконецъ стало на тѡмъ, чтобы занести неживу въ лѣсѣ, въ поближкѣй камень и укрыти въ тайной пещерѣ, котра тѡлько жидови была звѣтна. Радъ бы былъ корчмаръ знати, що властиво хотѣла умираюча съ тою книгою, лишеною на столѣ. Но понеже не умѣлъ по русеки читати, для того рѣшился для уникнення всякого подозрѣнья, въ разѣ, слибы найдено тую книгу у него оставшую при умерлой. Кромѣ того чтобы задержати живу дитину для себе и уникнути всякого пошляку, рѣшилъ съ женою мертво уроджену свою дитину занести такожь съ трупомъ Мильцѣй въ пещеру. Думка была

у него, що хотѣбы припадкомъ и найшолъ кто трупы слѣдующого лѣта або коли пѣзнѣйше. буде можна все дуже легко зложити на опрышкѣвъ, бушуючихъ въ тыхъ сторонахъ.

Якъ рѣшено такъ и зроблено. Слѣдующого дня скоро свѣтъ, жидъ отнѣсь съ немалымъ трудомъ середъ вѣтру и снѣговой метелиці два трупы и скрыль ихъ въ таемну печеру въ камени, котрый ще и до нынѣ находится близъ села Розгѣрча. Въ тѣмъ самѣмъ камени, але въ иншѣмъ мѣстци схована была пѣдъ тойчасъ велика часть Добошевого скарбу, — но жидъ о тѣмъ не зналъ, — ему ходило лишь о уникнечье всякои можливои бѣды, въ разѣ, еслибы принялся пильно слѣдити за Добошевою женою. Но тое не сталося. Стражники рушили вправдѣ пѣдъ Зелемѣнь, въ хату пасѣчника, — але не мале муебло быти ихъ зачудованье, коли застали хату совсѣмъ пуну и до половины снѣгомъ закурену, а въ ней зимного якъ лѣдъ и посинѣлого трупа Семіона.

А що до жида—корчмара, котрый такимъ способомъ сталося отцемъ Добошевого сына, подобно якъ Добошь Семіона зробилъ отцемъ Мильци, скажемъ, що назывался Бляйбергъ.

Примѣчаніе автора. Читателямъ, котрі запевно здивовані читали тіи картки, вырвані изъ далекои минушости, скажу, що послѣдне наше реченье запевно обьяснило имъ уже цѣль тыхъ двоухъ роздѣловъ. Кромѣ того я зрѣкаюся совсѣмъ права авторства до нихъ и освѣдчаю, они займствовані мною изъ чужихъ писемъ, — а именно першій изъ Добошевого памятникя, а вторій по части изъ Мильциной записки. Оба тіи роздѣлы най будутъ яко ветупъ до другой части нашей повѣсти, — а мы перенесемъ зновъ въ часы, въ котрыхъ происходило наше попередне оповѣданье и займемъ дальше судьбою особъ, котріемо перепроводили черезъ попередній катастрофы.

(Прод. слѣд.)

Листы зъ Исландіи.

Новеля Г. Чокого.

(Продолж.) Теодоръ послушно вышукаль листъ и читаль:

„— Выѣзжаете на рѣкъ, два або и на долше. Наша корреспонденція утернитъ на тѣмъ, мѣи друже, а я не могу ничъ противъ тому сказать и еслибымъ я могла, тобымъ не сказала! Привыкло уже мое сердце до страданья! Бѣдна я и опущена сирота, а однакъ за много еще посѣдаю! охотно от-рекла бымъ ся всего на тѣмъ свѣтѣ, где все тѣлько на то здаеся существовати, щобы, притягачи мене къ собѣ и отручючи, ранити мое сердце. Не могу даже отважитися, щось полюбити, бо несталобъ менѣ потѣмъ отваги стратити его. Або сама себе або другіи мене обманюють. Така моя доля! Ъдьте щастливо — я буду за васъ молитися. О мѣи друже, вы ангель,

выпровадившій мене зъ неволіи темноты, а листы ваші, полный потѣхъ и наукъ, довершили то дѣло. Вашъ духъ есть пѣдпорою моеи утомленои душі. Кто вы, о то не пытаю. — Чи будете до мене дальше писати, чи нѣ, — я переконана, що не забудете мене, я переконана, що до кѣнца вашего житья будете мене любить, бо и якажь бы могла быти причина, щобымъ сталося обоятною для васъ. Буду читати листы ваші, котріи маю, а потѣмъ пригадую собѣ послѣдній хвиліи моеи слабости, — о якъ счастливою быламъ тогды! Чи будемъ ся коли тутъ на земли видѣти, чи нѣ, то вкѣнци все одно. А если и по-мремо не бачившися, чижъ стратимо що на тѣмъ? Въ неизмѣримѣмъ просторѣ свѣта пѣзналися два духи, двѣ душі; полюбили себе, давали собѣ знаки своего существованья, вкѣнци утратили возможность porozумѣватися и уже не знаючи ничъ о собѣ, роздѣленіи любилися дальше.

Даже лучше такъ. — Вы теперь для мене всемъ; утратилибыте на тѣмъ, слибыте хотѣли быти для мене чимъ то бѣльше, якъ до теперь. Если ся колись одружите, покажѣтъ листы мои вашѣи женѣ, не взбудите тымъ ей зависти.

Ъдьте щастливо! — На вѣки остану твоею. Зга-снуну на тѣмъ свѣтѣ, — на другѣмъ, о Теодоръ, вѣчно для тебе жити буду!

Такъ, я плачу?! Для чого такъ печально стне-каеся мое сердце? Теперь одну тѣлько чую потребу: вѣчно о тобѣ гадати. Того не може менѣ никто заборонити, бо если перестая мыслити о тобѣ, жити перестая.

Оттиля В.

VII.

„Якжежь дальше тягнулося“, спытала сестра брата

— Дуже природно. Писалисмо до себе часто. Съ кождымъ днемъ ставалисмося собѣ дорожшими. На мои усиленіи просьбы, она прислала менѣ вкѣнци свѣи образъ, але я не малъ смѣлости пѣслати ей въ замѣнъ свою фотографію, а навѣтъ она сама не желала собѣ того. — Однакожь не остало менѣ то тайнымъ, що я чимъ разъ дорожшимъ ставаль для неи. Съ часемъ повселѣйшала она, память на помершого отца не тяжитъ уже такъ дуже на ней. А однакъ лякаеся мого повороту. „Заклинаю васъ, Теодоръ, пише менѣ въ послѣднѣмъ листѣ, не гадайте о тѣмъ, мене коли видѣти. Своевольною рукою уничтожьте нашъ рай, наше элизіумъ, если лично со мною познакомитесь. Такъ долго будемъ щастливыми, якъ долго тревати будутъ дотеперѣшній нашіи отношенія.“

Такъ стоитъ рѣчь межи нами! Для тои то причины утверждаю въ ней переконанье, що я доси еще въ Копенгагѣ. Хочу ю бачити въ Грауенбурггу, не давшия ей пѣзнати. Потѣмъ най судьба рѣшае!

„Нема що казати, сміялася Тереза, стане за трудъ забавитися въ такой романъ. Не понимаю однакъ той дѣвчины и дуже сомніваюся, чи будете коли щастливими. Обманювалите одно одного и себе самихъ. Занадто великій вашій ожиданья; для того самій на себе будете гнѣватися, якъ побачите, щосте обоє звичайні люде, не рѣзняйся ничимъ отъ прочихъ. Бо мы люде не можемъ не признатися до того, що по при всей красотѣ души есмо творами, складаючимися такожъ зъ тѣла, и то часто не конче красного. Заложилабимся, що Отилію виображаешь собѣ дѣвчиною чудной красоты. Щожь, если она укажешь тобѣ яко слабовита, нервова, блѣдо жолта жеящина, бѣльше усвоена съ перомъ якъ съ хозяйствомъ. Що тогды буде? Здаешь ты придивилбься тому своему ангелови и — чимъ скорше попрощалъ быешь его! Алежъ не гнѣвайся! я тебе за надто люблю, щобимъ мала допустити, абы ты такъ ненадѣино розчаровалешь! И справдѣ, Теодоръ, она сама предчувае щось подобного, коли такъ старанно стережешь личного знакомства. Жеящина остане все жеящиною, а ти жеящины въ гдекотрыхъ точкахъ дуже любопытні.

Врочемъ додержу тобѣ слова. За десять день вертаю съ моимъ чоловікомъ назадъ до столиці. Ты поѣдешь съ нами, а чтобы ты не побзано, змѣнишь свое имя. Въ столиці легко довѣдаешь щось о Грауенбургу, и пѣсля того будемъ дальше поступати. Годишься на тое?“

— Совсѣмъ!

VIII.

„Такъ есть, мамо, сказала Тереза до панѣ Штобенъ, не позбѣтае намъ ничь иншого, якъ тѣлько оженити Теодора.“

Въ тѣмъ власне цѣла трудибеть, — отповѣла печалива мати, — погадай тѣлько на ти листы исландскій...

— „Для самыхъ тыхъ листѣвъ, котрѣ го вкѣнци еще унесчастливятъ, треба его якъ найскорше чимешь заняти, чимешь розбѣрати. Нехай бы ѣхаль зо мною на якійешь часъ до столиці. Тамъ надѣюся выбити ему зъ головы тѣ его мечты, ту нещастну подорожманію.

Скоро тѣлько панѣ Штобенъ згодилаешь на выѣздъ Теодора до столиці, поспѣшила Тереза до своего мужа и розповѣла ему цѣлу рѣчь. Совѣтникъ самъ не зналъ зъ початку, що на то все казати — не зналъ, що мае гадати о своемъ швагрѣ, которого всегда трималъ за дуже розумного. Вкѣнци не малъ ничь противъ того, чтобы выслати Теодора инкогнито до Грауенбурга, абы тамъ пробовалъ щастья.

Десять день минуло скоро, и Амосъ мусѣлъ все лагодити до дороги.

— „Эй, пане, — сказаль онъ, — тѣлько не до Исландіи. Тутъ лучше. Сомніваюся, чи бышь другій разъ здоровъ вернулъ зъ той Ляпландіи.“

— На сей разъ не поѣдемъ такъ далеко! — отповѣлъ Теодоръ — я отпровождать тѣлько моего швагра. Тѣлько на одно звертаю твою увагу, Амосъ. Не кажи никому, куда мы ѣздили, не вымовься передъ никимъ, кто я. Всѣмъ говори, що я далекій сродникъ совѣтника Кульма — и называюся Людвикъ Гогенгаймъ. Тое остане такъ долго, поки я самъ инакше не розпоряджу.

Амосъ здивовалешь нерозумѣючи ничего.

Выѣхали. По кѣлькохъ дняхъ были уже всѣ нашій знакомі, съ извѣтїемъ панѣ Штобенъ, въ столиці, где совѣтникъ Кульмъ малъ красно уряджене мешканье.

IX.

Майже три недѣли минуло въ столиці, а Теодоръ, которого теперь будемъ называти Людвикомъ, аніи гадалъ дальше ѣхати. Тѣлько визнѣть треба было отдати и приняти; забавы и вечерки неустанно наступали по собѣ; товариства были такъ численні а однакъ такъ красно добраніи, настроеніи такъ сердечно, мовѣбы то была одна родина. Не забавы и пиры привлекали его до себе, але самі участники тыхже. Не надѣялешь того по столиці Людвикъ Гогенгаймъ. Скоро вжилешь онъ во всѣ товариства своей сестры, а поволіи сталешь найзнатнѣйшимъ ихъ членомъ. Его вѣдомости, полученныи съ чемностию, его милый характеръ и доброта уняли му скоро сердца всѣхъ. Чулешь щастливимъ, а однакъ — —

— „Що тобѣ? — пытала его разъ сестра, будучи съ нимъ сама, бо передъ людьми николи му не тыкала, — для чого така знеохочена мина? Що тобѣ не стае, ты ненасытна душе? Чи тобѣ вже навкучилоешь съ нами? Прийдижъ вже разъ до себе! Мой мужъ получилъ вѣдомости отъ своего дописователя зъ Грауенбурга.“

— Щожь онъ тамъ пише?

— „Можешь собѣ казати дати листъ. Духъ Отиліи выѣхаль до Липека и знати, коли верне. Есть тамъ такожъ звѣстка о отношеніяхъ еи до якогось офицера; кажутъ, що она съ нимъ заручена. Впрочемъ раджу тобѣ заразъ, якъ тѣлько довѣдаешься о еи поворотѣ, поѣхати до Грауенбурга.“

— Она дѣйстно не заручена.

— „Я не читала листа, ино говорилъ менѣ о тѣмъ мужъ. Але пожди!“

Тереза побѣгла и за хвилию вернула съ листомъ. Людвикъ сидѣлъ въ меланхоличной поставѣ — руки зложилъ на грудехъ, голову сумно звѣсилъ.

„Добрій вѣсти! сказала Тереза — за кѣлька недѣль пріѣде Отилія тутъ до сродникѣвъ своихъ и ажъ ѣтти удасться до Грауенберга. Але на, читай самъ!“

Людвикъ Гогенгаймъ взялъ листъ, але положилъ его, не читаючи, на столѣ.

— „Чи и до того не маешь охоты? Знаешь, що начинаешь мене уже нудити твоими каприсами.“

— Ахъ, сестро, не гвѣнайся. Самъ знаю, що я дивакъ, але оставь мене, прошу тя, въ супокою. Буду чекати на Отилію, хочу еѣ бачити — але прошу тя, не згадуй менѣ бѣльше о ней. Чижь моглабъ она по тѣлько присягахъ вѣчной вѣрности?..

„Мечтателю! чижь хотѣлбысь, щобы для тебе въ монастырь замкнулася?“

— А однакъ не можу тому вѣрити! Она мене любить — она мене не покине! А еслибъ тѣе могла зробити — то, присягаю, нѣ-одной женщины бѣльше не вѣрю!

„Чи и менѣ такожь нѣ, пане брате?“

— Ахъ ты мене мучишь!

„Чи и красной молодой вдовѣ, панѣ Сарѣ, такожь нѣ? а! червонѣшея! Людвикъ, Людвикъ! естережися, и не уймай другимъ.“

— Снится тобѣ!

„Нѣ, цѣлкомъ менѣ не снится, що вы обое дуже радо перемавляетеся, або дрочитеся, або...“

— Ошибаешься!

„А може то все мае относится до еи кузины, Фридолины Бернекъ? Знаешь, еслибымъ была мужчиною, труднобъ менѣ приходило зробити выбѣръ межи ними. Фридолина тавцюе якъ русалка, и видится мнѣ, съ никимъ охотнѣйше, якъ съ тобою.“

— Алежь ты нынѣ цѣлкомъ незносна!

„Такъ само, якъ вчера вечеръ ты. Чижь то красно, щось не додержаль слова, и съ Фридолиною танцоваль того кадрили, до которогось мене былъ замовиль?“

— Але...

„Але розумѣея! она глянула на тебе, ты на ню, тай якось такъ не хотячи забудь еси. Нѣ, мой пане, заслужишь на кару! Але прошу тобѣ, если схочешь свѣой вчерашней блудъ нынѣ у панѣ Сарѣ поправити.“

— Не буду тамъ сегодня!

„А то красно! Она числитъ напевно на тебе, и ожидае тебе уже на чай по обѣдѣ. Мы прочіи побнѣйше приѣдемъ. Але естережися! Она дуже мила, и вся краса души твоеи невидимой Отиліи, не охоронить сердца твоего отъ еи жаркихъ очей!“

(Прод. слѣд.)

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

Мы вже давно мали гадку отворити въ „Друзѣ“ рубрику, въ котройбыемо могли мало-по-малу выискати элементъ народный въ Галичинѣ — но для недостатка матеріалѣвъ задержалися мы ажъ до нынѣ. Теперь же придбавши матеріалѣвъ бодай на початокъ, отворяемо съю рубрику тымъ раднѣйше, що змогутъ въ нашей газетѣ появлятися на свѣтѣ рѣчи изъ рукописей частныхъ въ Галичинѣ, котры для недостатка средствъ матеріальныхъ не моглибъ печататися особными сборниками. Якои ваги

всяке збиранье изъ устъ народа, скажемъ словами Кулиша, котрый такъ говорить о пѣсняхъ: „сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что приютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли?... Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значить ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ?“ („Записки о Южной Руси“, т. I. стор. 221).

А се дасться сказати о цѣлой устной словесности народной.

Народный элементъ въ пѣсняхъ, приповѣдкахъ, сказкахъ и т. д. въ Галичинѣ далеко ще не вызысканный — для того взялися мы заполнить той недостаткомъ въ устной письменности. Подъ съю же рубрику думаемо мы втягнути все, що проявляется въ народной бесѣдѣ въ пѣсняхъ, приповѣдкахъ, сказкахъ, повѣрьяхъ, поодинокихъ зворотахъ и словахъ народной мовы и въ загалѣ все, що ще не напечатано въ выйшовшихъ уже сборникахъ у насъ и въ Россіи, не залишаючи при томъ и варіантовъ. Сподѣея прото, що изъ цѣлой Галичины стануть намъ помѣчными тѣ люде, котры вже мають готовыя матеріалы въ рукописяхъ; наибѣльше же числимо на нашу учащуюся молодежь, котрой повинно лежати на сердци, збрати то, що мовь перлы розсыпаны тамъ и сямъ межи народомъ, тымъ бѣльше, що отъ побзнанья того, що есть въ житью народа, буде залежати побнѣйше и способъ подаванья того, чого ще не ма, т. е. просвѣты. Для всѣхъ тыхъ, котры не знаютъ, якъ такій рѣчи изъ устъ народа записувати, скажемо, що головною засадою тутъ есть: „пиши такъ, якъ чуешь и старайся то, що чуешь, якъ найвѣрнѣйше отдати на письмѣ, такъ, абы твоя записка была для читающого тымъ, чимъ звуки, выходящы изъ устъ народа.“ При записуванью такѣмъ не треба ничого додавати, нѣ уымати, нѣ поправляти той складъ, тѣ слова, тѣ звуки, котры даются чути въ живѣй народной рѣчи: бо тѣлько такій вѣрній записки мають въ науцѣ, для граматики и словаря свою стѣйность. Розумѣея, що при томъ всѣмъ треба выразити мѣстце, где чуея, особу, отъ которой чуея, а по возможности при якѣй нагодѣ, въ якѣмъ товариствѣ, що замѣчае товариство на произносимую рѣчь а що самъ произносящій, вкѣнци занятіе произносящюю особы, — все то буде мати свою цѣну, лишь бы вѣрно було откопироване.*) Велику прислугу зробать намъ въ томъ взглядѣ наши читательки, наибѣльше тому, що дѣвчата, въ сердцахъ которыхъ найдорожши одробинки народной мовы, мысли и чувства, — найскорше повѣрятся дѣвчатамъ и просиѣвають имъ все, що знаютъ: тому не сомнѣваемся, що наши ч. читательки не откажутъ намъ своей помо-

*) Во всѣхъ кусникахъ прозаичныхъ просимъ давати нагодось, въ пѣсняхъ не давати.

чи и широко займуться записуваньемъ народныхъ рѣчей отъ женщинъ. Кто не зможе отдати звукѣвъ нашимъ письмомъ, най пише латинскими буквами. Надѣмся, що нашъ голосъ и предпринятіе найдуть живой интересъ посередъ нашей молодежи. Всякі замѣтки шо до замѣщаемыхъ кавалочкѣвъ и способу тогожъ замѣщеня приймемо вдячно.¹⁾

I.

(Записалъ въ селѣ Белелуя, повѣта Снятинского, отъ Тетяны Остаѣйчукъ Т. И. Кобринскій 1874).

Мала одовочка Одного сыночка, Мала-жь она мала Тай до войска дала.	Невѣстцѣ вточила Гадьбечого ѣду. Ты мой сынъ рѣдненькій, Пей мѣдъ солоденькій, Ты, невѣстка мила, Напейжесѣ пива.“
Чикае она рочокъ, Не йде мой сыночокъ; Чикае она другій, Не йде мой сынъ любый;	Невѣстка не пила, Миленькому скрыла, Якъ милый напавей, Зъ коня поваливѣй.
Ой на третій рочокъ Иде мой сыночокъ. Не самъ же онъ иде, Невѣстицю веде.	„Ой Боже-жь мой Боже, Що я наробила, Що я свои дѣти Зъ пары розлучила?!“ —
„Мати-жь моя! мати, Цы рада-жь ты тое, Цы рада-жь ты тое, Що насъ иде двое?“	Сына поховала Передъ оконцями, Невѣстку сховала За воротеньцями.
„Тобѣ-мъ сынку рада, Бо-сь моя дитина, Невѣстцѣ-мъ нерада, Бо чужа чужина.“	Сынови посадила Явѣръ зелененькій, Невѣстцѣ посадила Бѣлую березу.
Взѣла двѣ скляницѣй Пѣшла до пивницѣй, Сынови вточила Солодкого меду,	Росте явѣръ, росте Тай розростаесѣ, На бѣлу березу Тай похиляесѣй.

(Вариантъ). Спѣванка.*

(Переймила и переписала Анна Павликъ въ селѣ Манастырскѣмъ, при Косовѣ, округа Коломыйского, 1874).

Мала вдова сына, Сына уженила; Молоду невѣстку Дуже не злюбила.	Ой пошлажь уна Доли-доляною, Перекинуласѣй Лебединою..
Ой вѣслала сына Въ далеку дорогу, А невѣсточку У поле, до лѣну.	Ой приѣхавъ сыночекъ Зъ далекой дороги: — „Матижъ моя, мати, Десъ ми милу дѣла?“
Ой якъ вѣсылала, То наказувала: „Не наберешъ лѣну — Тай не йди до дому!“	„Поѣхала, сыну, До отця въ гостину!“ — „Ой кѣлькожь я сходилъ Горы и долины —
Бралажь уна, брала, Лѣну не дѣбрала, Не дѣбрала лѣну — Тай не йде до дому...	Не находивъ же Такой тополины, Такой тополі, Якъ на нашѣмъ поли.“

¹⁾ ѣ, ѣ, ѣ, ѣ читается якъ лат. i; ѣ = jo; ѣ на початку слова и слога = wi; ѣ на початку слога = ji; ѣ, и = лат. у.

* На Покутью звать кожду пѣсню — спѣванкою. М. П.

— „Ой озми, сыну, Остру сокурину Та зрубай, сыну, Тоту тополину!“	А съ трутиною Та передѣлвѣйсѣй: „Ой знала ты, мати, Добре чаровати — Та знайже ты, мати, Файно поховати!“
Ой затѣвѣ я другій — Она промовила: „Не рубай милый, Бо я твоя мила...“	Сына поховала Пѣдъ оконцями, А невѣсточку За ворѣтцями.
„Бодай не сконала, Що насъ розлучила!“	

Сидѣвъ онъ тамъ рочокъ, Сидѣвъ другій рѣкъ, А на третій рочокъ Тай ѣде сыночокъ...	На сынѣ вѣрѣсѣ Зеленый явѣръ, А на невѣсточцѣ Бѣлая береза...
---	--

Ой вѣйшла мати Изъ новов хаты, Та стала мати Свои дѣти витати.	Вершокъ до вершечка Изхиляесѣй, Листокъ до листка Притуляесѣй.
---	---

До сына пила Червоне вино, А до невѣстѣньки Вѣчную трутину...	Ой вѣйшла мати, Тай стала плакати: „Ахъ Божежь мой, Боже, Щожь я наробила!“
--	--

Сынъ вино не пивѣ, Пѣдъ коня выльвѣвъ —	Та щожь менѣ винна Чужая дитина!...“
--	---

II.

Три зазули.

(Записалъ въ селѣ Белелуя, повѣта Снятинского, отъ Маріи Тылчукъ р. 1874. Т. И. Кобринскій).

Ой вѣлетѣвъ сокѣвъ Изъ лѣса на поле, Тай сѣвъ собѣ сокѣвъ На високу гору, На зелену сосну, Вѣтеръ повѣвае, Сосною хитае;	„Дежь го поховали? Межи вертепами. Прилетѣли дѣ нему Три сивѣ зазули. Одна зазулечка Сѣла въ головечкахъ, Друга зазулечка Сѣла у ножечкахъ, Трета зазулечка Сѣла у сердечка. Що въ головкахъ сѣла — То его ненечка, Що въ ножечкахъ сѣла — То его сестричка, Що коло серденька — То его миленька. Плаче ненька, плаче, Плаче рѣкъ ѣтъ року, А сестричка плаче Лише до пѣвъ року, А миленька плаче Лише до недѣлѣй. Якъ недѣля прѣйшла, Она въ танецъ пошла; А якъ друга прѣйшла, Она за мужѣ вѣйшла.“
Не хитайсѣй сосно, Бо щось мийѣ тоскно.	
* * *	
Ой летѣла пава Середъ села пала. Когожь она вѣбила? Вдовяного сына. Не ма кому дати До вдовочки знати, Щобѣ ишла вдова Сына поховати.	
ѣде вдова, ѣде Сѣрыми волами, Плаче вдова, плаче Дрѣбными слѣзами.	
„Кудажъ его везли?“ Темными дугами,	

МЕСТЬ МАТЕРИ.

(Криминальна новела — зъ нѣмецкаго).

Переложилъ Левъ Кл. Г. Муха.

(Конецъ).

— „Иди до вязницъ — отповѣла — тамъ лежитъ ѓнъ на волгкѣй соломѣ, очѣкуючи смерти, на котру засудилъ его ты.“

Сильный той чоловікъ затряся цѣлкомъ зломаный и закрилъ тварь обома руками.

— „Я украла колисъ твоего сына — говорила дальше. — Не могла я того зрѣти, доки жила его мати, бо она николи мене не образила. Але по еи смерти, коли ты самъ мусѣлъ переносити всѣ терпѣнья, нѣкѣ взгляды не задержали мене. Далеко ѓтти виховуваламъ твоего сына старанно, бо ненависть моя не розтягалась прецѣнь на невинну дитину. Чимъ пѣдростала она, тымъ бѣльше розвивался въ ней пѣдлый характеръ ѓтця. И прото ничо дивного, що дика и непогамована страсть вела его, якъ по сходахъ, ажъ до засуду, котрый теперъ переймае тя страхомъ и дрожею, хотяй ты той засудъ цѣлкомъ спокѣйно оголосилъ.“

— „Пекло! — крикнулъ Bellville. — То страшна байка, котру ты выгада, щобъ мене тѣлько занепокоити. Я не вѣрю безъ доказѣвъ.“

— „Га, я знаю, ты мудрый и найхитрѣйшій изъ всѣхъ судѣй на свѣтѣ! Таже то твое покликанье жадати доказѣвъ. Але може переконае тя той медалѣонъ, котрый мѣститъ образъ твоей жены, а котрый твѣй сынъ носилъ на ши; а може не пригауешь его уже собѣ?“

— „Про милѣсть Бога! — крикнулъ судѣя зрываючись — для чого открываешь менѣ ту страшну тайну ажъ теперъ, коли може запѣзно уже дѣлати?“

— „Бо я ждала на то, щобъ дѣйстно могло уже быти запѣзно — отповѣла женщина — але въ остатнѣй хвили не дало менѣ супокою сердце, бо я виховала тоту дитину, и перло мене щось и тягнуло тутъ, щобъ тобѣ тое обьявити.“

Судѣя не чулъ уже наслѣднихъ слѣвъ еи, выбѣгаючи зъ кабинету. Намѣстникъ мешкалъ кѣлька миль отъ того мѣстця, а телеграфа еще тогда не вынайшли. Але не было анѣ хвилѣ до потерѣ, и згриженный отецъ зѣбрался сейчасъ въ дорогу. Найскоршій однакъ конѣ не могли дотримати кроку его боязни и нетерпеливости. Пѣзно въ ночи дѣстался до помешканья намѣстника, и той позволилъ

безъ проволоки, не пытаючись навѣтъ о причину, на отложенье кары, Bellville бо былъ особою знаменитою и посѣдающею великѣй вилывы въ краю. Але захованье урядовыхъ приписѣвъ и формъ забрало цѣлу годину дорогого часу. Вкѣнци пѣдписали цѣнный документъ и судѣя пѣгналъ свѣжими кѣньми съ поворотомъ. На дворѣ свитало уже и сонце вносилося що разъ выше.

— Скорше, про милѣсть Бога, фѣдъ скорше! — кликалъ затревоженный отецъ на вѣзницю — если не маемъ приѣхати запѣзно! — А коли страшна година що разъ скорше зближалась, не малъ уже отваги дивитись на годинникъ. Вкѣнци показала зъ далека вѣзниця, на котрой подвѣрю, обведенѣмъ высокимъ муромъ, мала отбутись страшна драма. Множество людей окружало то мѣстце.

— Скорше, о скорше! кликалъ майже безпритомный уже судѣя — каждая хвиля приноситъ теперъ житье або смерть!

Але щожъ значить той рухъ? Толпа роздѣлилась въ право и въ лѣво роблячи улицу серединою. Чотыри людей переходить черезъ ню, и несутъ деревище зъ простого дерева. Судѣя зналъ уже всѣ. Безъ силы упалъ на сѣдженье и занесли его сейчасъ до лѣжка. Черезъ кѣлька дней лежалъ безъ притомности почѣмъ покликалъ его судѣя, котрый въ послѣднѣмъ дни судити буде всѣхъ людей.

ЛИТЕРАТУРНІ ВѢСТИ И КРИТИКА.

— Стрижокъ. Збѣрникъ поезій сатиричныхъ, эпиграмѣвъ, розказѣвъ и пр. написавъ Иванъ Щипавка, цѣна прим 30 кр. накладомъ автора. Львѣвъ 1876. Въ печатни товариства им. Шевченка.

Назвавши свою книжку „Стрижкомъ“ (Stüber?) а себе Щипавкою, — хотѣлъ авторъ, видко до разу въ заголовку представити себе сатирикомъ а свою працю збѣрникомъ сатиръ. Но чи такъ дѣйстно представляеся ѓнъ читателю? Сатира, то твѣръ поезіи, котрый выказуе слабѣй и смѣшнѣй стороны общества, высмѣвае ихъ, щобъ черезъ то улѣчити. Сатиру розличаемъ двоюку: Першій родъ, просто тыкае личностей, що черезъ свое становище, свѣй характеръ свои особенности и навички сталия всѣмъ извѣстными, и хоть представляють собою и извѣстный родъ або типъ людей, — то все таки выступаютъ въ сатирѣ съ всѣми своими особенностями и личными свойствами. Той родъ сатиры мы назвалибъ греческою або старою сатирою, бо пѣднесена до достоинства правдивой поезіи являеся она тѣлько у Грековъ пѣдъ видомъ „старой комедіи“. У насъ окрещено сей родъ ненавистнымъ именовъ „пашквилъ“. Другій, пѣзнѣйше выроблений родъ сатиры есть той, що представляеся вправдѣ людей въ сатирѣ, но такихъ, — а властиво въ такихъ моментахъ, — що тоти ихъ свойства, тоту ихъ дѣятельность отнести можъ до цѣлого подѣбного розряда людей, — и що въ сатирѣ не видно нѣкакихъ личныхъ особенностей. Сатира есть майже единымъ, кромѣ эпоса, родомъ поезіи, котрый здужае намъ представити житье домашне,

смейне, якъ заразомъ поступи розвою умственного народа, — и то повинно бути ей найголовнѣйшою задачею, бо чи жартами и сатирами такъ легко направити запустѣе, — о томъ сомнѣваемся, — о томъ навѣтъ каже намъ сомнѣватися исторія.

Посмотрѣмъ теперь на сатиры г. Щипавки и розмотрѣмъ, до якого ихъ розряда почислити, и чи сповняють они задачи творбъ поэтичныхъ въ загалѣ а сатиры въ особенности?

Предметомъ тыхъ кусничкѣвъ въ „Стрижку“, котрѣ ще найскорше назватибъ можъ сатирами, суть переважно слабѣ стороны нашой интелегенціи, а особливо житя „литерацкогo“ Отъ якъ тамъ типы найчастѣйше встрѣчаются: „Пань Ляскунъ“ критикъ, що лишъ судить а написати самъ не втне; „Пань Чванко“ тежъ критикъ, котрый о кождѣмъ сочиненію каже: Я съ многимъ годжуся, но годжуся не зо веѣмъ, — а коли го приперти, щобы спеціалнѣйше выразидся, — то закине въ недостатку чого другого, бодай то що „за дрѣбный въ той книжцѣ друкъ“; — „Пань Тупецъ“ ученый, — у котрого изъ за шумныхъ фразъ годѣ и гадки добачити: — Пань Хвалько-Писарковекій, що бересе писати сонеты, та бачивши у Шевченка гдеякї мѣсця выкропкованїи, кропкуе цѣлый сонеть; „Рецензенты, — котрыхъ мнѣнїя, то вавилонске замѣшанье, — и такї подобнїи. Правда, — предметы се якъ разъ хорошї до сатиры и пѣдъ перомъ майстра-артиста моглибъ статися правдивою окрасою словесности. Два тѣлько вопросы закинемъ що до сеи точки. По перше: чи критикѣвъ и писателѣвъ въ загалѣ у насъ такъ богато, щобы ажъ творили особну, отрубну класу людей, на котрубъ могла повстати сатира? Правда, у насъ до писанья берутся люде не маючи не разъ найменшого понятїя о литературѣ, о ходѣ умственного и культурного розвою въ исторїи и о дорозѣ, на яку бы имъ на будуще вегушити, люде о понятїяхъ тѣсныхъ до того степени, що не могутъ знести, если кто оббѣчъ нихъ инакше думаетъ и пише, якъ они, — но все таки еще и такї люде суть у насъ феноменальнїи проявы, — отъ мало хибуетъ, щобы ихъ веѣхъ не можъ на пальцахъ почислити. А впрочемъ, котражъ литература, а особливо ще такъ молода, якъ наша, устереглася отъ подобныхъ проявоѣвъ, — зъ посередѣ котрыхъ однакожъ всегда выростали тутъ и тамъ зваменитїи таланты. Тому то думаемъ, що теперь подобнїи сатиры не то не на часѣ, но для ширшой публики на провинци, котра о томъ литерациѣмъ житю майже ничъ не знае, остануть совѣмъ незрозумѣлыми. А по друге запытаймо совѣстно сами себе, перечитавши „Стрижку“, — чи г. Щипавка обробилъ пѣднатыи предметъ по майстерски? Замѣсть отповѣди наведемъ тутъ першу сатиру „Пань Ляскунъ“:

Багато пань Ляскунъ книжокъ перевертае,
Та каже, що ладу у нихъ зовѣмъ немає...
Кобъ де-що примѣромъ и вѣнъ скомпонувавъ,
Въ печати бы понѣсь, — про негобъ мїръ узнавъ
Та ба! вѣдай не такъ выгѣдно написати,
Якъ слизкимъ языкомъ написане рядати.
Томуто пань Ляскунъ писати не прїиметь, —
Зате до обсуду скоренько вѣнъ береть
И знае на вмандѣ того тычка подути, —
Тому то Ляскува межї товпою чути.
У дѣлѣжъ пань Ляскунъ все пусякомъ сидитъ, —
Лишь меле языкомъ, трескоче и гудитъ.
Ой часто Ляскуны такї у насъ газдуютъ —
Та цыть! не скажу большъ, — сусѣде ще почувють...

Отъ и вся! Та чижъ се майстерски обробленый предметъ, — чи заявилось тутъ могуче творчество поэзий?... И най никто не думаетъ що наводимъ се найслабѣйшїи стихъ!

Та ба, — еще одно и то дуже важне закинемъ г. Щипавцѣ. Въ гдекотрыхъ его сатирахъ занадто ярко про-

биваеся намѣренїе нарушити и уколоти личность. Наведемъ лишъ „сатиру“ „Новина“ (она еще — еще устоится якъ сатира), „Велика рѣчь“, „Пань Точный“ и „На споминъ (Падлюцѣ)“. Той послѣднїи кусничкъ, — вызнаемъ отверто, се уже не сатира. Тутъ авторъ выступаетъ не яко безстороннїи спостерегатель, не яко братъ, котрый черезъ острый жартъ хоче научити направити брата, но яко ворогъ, пускаючи волю своему гнѣвови въ стихахъ, — яко пашквильянтъ!

Не хочемъ дальше упрекати автора, — но перейдемъ до другого рода творѣвъ, помѣщенныхъ въ томъ збѣрнику, до розказѣвъ и эпиграмъ. Число ихъ невелике и они отличаются звычайно ще меншою артистичною стѣйностю, якъ сатиры. Найлѣпшїи изъ нихъ „Стрижено-голено!“, хотъ предметъ самъ не оригинальнїи. Но где напримѣръ есть поэзия въ оттыхъ стихахъ. (Изъ „Жартоблива примѣвка другови на Великдень“)?

Initium ab ovo,
Веденье се не нове,
Берѣмъ и мы все мѣру
По давнему примѣру,
И зачинаймо вѣдъ яйця —
Потѣмъ прїйде и ковбаса
И шиночка и струнянки,
И бѣгуны и нирочки,
Печене зъ хрѣномъ поросятко
И съ смажениною качатко,
Начинювалїи пироги,
Мягкї, бухатї пампухи,
Медѣвники, мазурки, паски,
Товстїи бабы, краснїи плячки. и т. д.

То щось а la Рюккертове: der Göttin Schmuckzimmer — но чижъ поэзия, такъ вычислюванье?

Годѣ намъ вздержатисъ отъ наведенья еще одного эпиграмма изъ „Стрижка“ п. з. „Звычайна людцѣвъ плата“.

Коли удасть ся добре дѣло
Братко мѣй любый зѣорудитъ,
Неразъ сусѣдамъ се не мило;
Твѣй чесный вчинокъ ме гнѣвить.
Почнуть тебе и порѣкати:
„Для славы, бачъ, вчинивъ добро.“
Имутъ сварити и кричати,
Мовъ бы у нихъ укравъ срѣбло!

И щожъ се значить? Що авторъ хотѣлъ сказати черезъ той стихъ? Чи не того, що далеко красше сказалъ въ самѣи надписи? Думаемъ, що авторъ мѣгъ насмѣло опустити стихъ, а оставити лишъ написъ, съ додаткомъ и. пр. „Невдячнѣсть“ або що друге, — и читаючи сей часъ бы и порозумѣлъ, о що тутъ иде, не потребуючи шукати якоисъ глубшой мысли въ стиху, где ея нема!

Въ загалѣ то лишъ можемъ сказати о „Стрижку“, — що авторъ его — не поэтъ. Выдумати колька небувальхъ назвъ и ситуацїи и склебезити колькасоть стихѣвъ, — потрафитъ леда кто, — но овладѣти предметомъ, унести съ собою читателя въ свѣй широкїи, идеальнїи свѣтъ, — потрафитъ лишъ правдивый поэтъ. Судячи по языцѣ чистѣмъ и гарнѣмъ, по множествѣ рѣдкоуживаныхъ народныхъ слѣвъ, мы скоршебъ думали, що г. Щипавка, то языкословъ або иный ученый, — и радилибъ му прото покинути стихи а взятисъ за прозу, за научнїи письма, та за працю надъ малорусскою граматикою и словаремъ. (+)

Отповѣдъ на „второе письмо“ г. Украинця.

(Прод.) Однакъ найголовнѣйшимъ моментамъ. около которого группируются все выводы „второго письма“ есть то

що Ви, г. Українець, прийшовши до заключення, що у нас єще мало двох літературних партій, і що они конце єще роздѣлятея підъ впливiемъ запада и востока, поки не выдѣлитея дѣйствительно свѣжая народная партія, — маєте передъ очима де факто только тii двѣ партіи, не добавуче, наступившого вже такого роздѣлу партіи, если не на фактахъ, котрі бы найдучше Вамъ показали, то хотяйбы въ такихъ словахъ, якъ нацитовані Вами зъ нашої ѳповѣди и зъ ч. 17. „Друга,“ — словомъ, насъ (издательство „Друга“) идентификуете съ т. зв. галицкими „Общероссами,“ — а въ слѣдъ того хочете выказати намъ неконсеквентность, отреченіея народно-галицкого языка, непониманіе самыхъ себе, неохоту „знать о народѣ и его нуждахъ,“ устройство уніятского Паравая и т. п.

Тое Ваше недобаченіе наступившого роздѣла літературныхъ партій нашихъ разитъ насъ тымъ бѣльше, коли увзглядимо Вашу раду, дану въ Вѣст. Евр., щобъ Галичане не ѳздили на конфѣ политики и не сварились за языкъ, — коли дальше взглянемъ на Вашу статью въ „Правдѣ,“ где Вы (въ статьи 1-ѳй зъ 1873) дуже яено высказались, що єсть въ Галичинѣ кромѣ „общерусской“ и „украинской“ партій єще третья, котра нехоче знати нї Украйны нї Великои Руси, котра однакъ єще своихъ идей яено не высказала, хотяй тоже „має въ собѣ где-що правдивого,“ — а въ другѳмъ мѣстци Правды (тоже въ статьи 1-ѳй зъ 1873, „що Галичанамъ треба вести працю надъ народною освѣтою, надъ наукою про свѳй край, въ своихъ обставинахъ политическихъ, соціально-культурныхъ и языковыхъ,“ — коли вкѳнци вглянемо въ Ваше перше письмо, до насъ писане, где запримѣтилисте рѳзницю межъ языкомъ „Друга“ а „Слова,“ говорячи („Другъ“ стр. 268): „но скажѣтъ, по совѣти, Вы, котрыи теперь наочно можете срѳвнати, на пр. „Слово“ або „Друга“ съ „Вѣд. Евр.“ чи Вы не пишете языкомъ, або лучше сказати языками, отдѣльными отъ того, якій Вы называете „русскимъ“ або „литературнымъ,“ — и где на другѳмъ мѣстци (стор 269) кажете що всяка сила рѳчей не прекоротитъ вплинія на насъ нашої галицкой народной почвы и преданій.

Судячи пѳсля того всего можна бы легко прийти до заключенія, що Вы, котрой слѣдите „больше десяти лѣтъ за галицкой литературой,“ только зъ злои волї помѣшали насъ съ галицкими „Общероссами“ (говоримъ о выступившихъ яко такіи на поли литературы а не о мнѳвіяхъ личностей, не литераторѳвъ), чтобы потѳмъ тымъ лекше насъ съ крайнимъ скептицизмомъ высмѣяти. Однакъ, мы злои волї у Васъ не припускаемъ прото и думаемъ, що то сталося только зъ незнанія нашихъ отношенїй, якъ мы то вже сказали въ обохъ попереднихъ нумерахъ.

Въ тѳмъ мнѳвію укрѣпляе насъ и взглядъ на то, що въ случаю противнѳмъ Вы не только спротивлялибѳсь своимъ власнымъ словамъ, такъ горячо бороненымъ по иншихъ журналахъ, не только смѣялисьбы зъ зреализованныхъ своихъ гадокъ, но постуналибысте противъ кардинальной мысли, котра властиво Васъ споводовала до писанія статей о галицкой литературѣ, т. е. противъ мысли усуненія недорозумнѳвій межы нашими партіями.

Прото скажемъ, що, еслибысте пыльнѳше слѣдили за всѳми нашими галицкими періодичными и неперіодичными изданиями вообще, а за „Другомъ“ въ особенности, то навѣрно пересвѣдчилибыстеса, що у насъ на дѣлѣ кромѣ „Слова“ (а новѳйшими часами „Друга Народа“ и „Лопаты“ (?), никому не приходитъ на гадуку зливати нашъ языкъ чи диалектъ съ „общерусскимъ,“ „литературнымъ,“ „русскимъ,“ „великорусскимъ“ называйте, якъ хочете.

Факта говорятъ найдучше, „Другъ,“ „Наука,“ „Русска Рада,“ „Рускій Сїонъ,“ „Газета школьна,“ „Ластѳвка,

уоешая „Народна Школа,“ „Правда,“ всѣ изданія Общества им. Качковского, Товариства „Просвѣта,“ о. Наумовича и пр. и пр. — всѣ они опираются на народно-галицкѳмъ языкѣ, у гдекотрыхъ чистѳйшѳмъ, у другихъ (по безсознательной може винѣ авторѳвъ) бѣльше съ нѣмецкимъ синтаксомъ або примѣшковъ церковныхъ слѳвъ, но все таки въ основѣ галицкѳмъ народнѳмъ, безъ претенсій на общелитературность.

Правда поединчи тii изденія рѳжнатея єще межы собою въ правописи въ поменьшихъ рѳчахъ, и справедливо можете Галичанамъ закинути, чому не стремятъ до однообразности въ тѳмъ взглядѣ,*) но тутъ пришлобы намъ ѳповѣсти Вашими таки словами: чижъ мы раскольники, чтобы толковали о буквахъ!

Впрочемъ же изданїй съ тенденцією зливати нашъ языкъ съ общерусскимъ, а властиво черезъ то вытворити якесь неслыхане medium, почавши отъ 1866 року до нынѣ було у насъ стѳлько, що ихъ смѣло на пальцахъ можна перечислити, та походили они отъ людей, за котрыхъ мы, молодежь, не маемъ обвизаку и не беремса ѳповѣдати.

Фактомъ отже єсть, що далеко бѣльша часть людей зъ обохъ давнихъ партій „общерусской“ и „украинской,“ розглянувшись лучше до кола себе и побачивши, що теперь мыслити о якѳмъ объединенїю литературнѳмъ 60-ти або 15 ти милїонѳвъ будѳбъ утонїєю и рѳвналобєя повольному убиванью своего народа и народности, усунула тоє объединенїе на третїй плянъ, а ограничилась на народъ, заключеный въ политическихъ границахъ Австрїи, и въ цѣли просвѣщенїя и движенїя его взялась до говора, якимъ бесѣдує тойже народъ.

Що только такє розвиванїе мѣстцевого элемента, только такє плеканїе мѣстцевого рѳдного языка, только розбудженїе любви до всего своего, єсть на теперь єдино спасительнымъ отъ загубы и вынародовленїя, особенно середъ такъ рѳзнообразныхъ и сложныхъ обстоятельствъ политическихъ соціальныхъ якъ у насъ, — того вѣдай не заперечитъ нї одинъ изъ скѳлько нибудъ мыслячихъ людей, — тоє вскажете намъ и Вы, г. Д-овъ, въ заключенїю письма, яко остаточну цѣль, — а вскажете — мимоходомъ сказавши — власне тоє, до чого згадана бѣльшѳсть, и мы съ нею отъ заложенїя „Друга,“ стремимо, хотя, по слабости силъ, не такъ успѣшно и скоро, якъ желаете Вы, привыкши до поступѳвъ литературы въ Россїи.

Теперь може зрозумѣте насъ, що пишучи: „дайте намъ спѳкой съ украинщиною и велико-рущиною“ (лучше слѣдовалобы сказати по Вашѳй терминологїи: съ украинизмомъ и великорусизмомъ, або съ украинскою и великорусскою бесѣдами, — но не: „направленїемъ культуры“ якъ Вы тоє намъ подсуетаете), а пѳзнїй сказавши въ ч. 17. „на єто разѳвъ проклинаемый (и высмѣваемый) Астрорутенизмъ скажемъ, що то только єдино здорова и возможна партїя и пр „боронячи т. зв. Вами „рутенизмъ“ языка нашего, — мы совсѣмъ поступали консеквентно а навѣтъ згѳдно съ Вашими поглядами, и не отрѣкались народно-галицкой бесѣды,

*) Въ особенности можете закинути „Другу,“ що має гдекотрї формы отнѳвнїй, отъ всѣхъ майже другихъ выше наведенныхъ изданїй, но тутъ не наша вина. „Другъ“ єсть органомъ общества, котре остаточно рѣшає на своихъ загальныхъ сборахъ бѣльшѳстью голосѳвъ собравшихся членѳвъ. Не входимъ въ то, чи той самъ способъ рѣшенїя єсть отнѳвнымъ и умѣстнымъ при литературныхъ а властиво граматическихъ вопросахъ, — особенно если увзгляднѣтса, що не всѣ голосующїи члєны „Академического Кружка,“ — и совсѣмъ природно — суть до такого дѣла зваными а тымъ меньше избранными; однакъ фактомъ єсть, що загальнїй Сѳбръ рѣшилъ ту правопись, якои належитъ употреблѣти въ „Друзѣ“ и що мы держимосъ даною директивю.

о котрой мы тільки казали, що она по части мусить быти инна якъ украинска, а не якъ малорусска (то вже таки Вашъ вымысль!). Цѣлкомъ логично воскликнули мы въ ч. 13.: „будьте проповѣдниками великого евангелія Шевченкого“ т. е. будьте проповѣдниками идей, нимъ піднесеныхъ. Тутъ бо уже не иде о языкъ а о идеи.

Языкъ на Украинѣ — украинскій, въ Великой Руси — великорусскій, въ Галичинѣ — галицкій, — но идеи на нихъ проповѣдованій не стаются украинщиною, великорусщиною, галиччиною (чи рутенщиною), а остають „европейскими“ идеями. Длятого то змѣшавши нашу дефиницію украинщини (мы понимали украинскій языкъ) съ своею дефиницією, дивуетесь неизмѣрно нашимъ словамъ и приходите до такихъ въ писемъ заключеній, що наилучшій лѣкъ на наше рутенское художество — украинщина (Вашою дефиницію).

Но придивѣмся ближе таки Вашой „украинщинѣ,“ котру хочете конче яко европейскій лѣкъ намъ подати, якъ будто бы мы жили справдѣ не въ Европѣ, а въ Парагваѣ або Ляплята. „Украинщина — кажете — это не только литература на народномъ языкѣ, т. е. языкѣ большинства, это передача ему результатовъ міровой цивилизаціи, (Вы забыли додати на украинскомъ языкѣ) преимущественное, если не всецѣлое посвященіе интеллигенціи, которая могла воспитаться только потому, что народъ работаетъ, обливается потомъ, на службу этому народу, нравственную политическую съ цѣлю удалити отъ народа невѣжество, безправіе, эксплуатацію.“ Хорошо! Такимъ самымъ способомъ можете рекомендовати украинщину и Нѣмцямъ, и Венграмъ и Туркамъ и Испанцямъ и всемъ другимъ цивилизованнымъ и нецивилизованнымъ народамъ міра; всемъ имъ можете сказати: украинщина то не только литература на народномъ языкѣ, то передача и прч. прч. И до всехъ нихъ дѣйствительно дается Ваша обширна дефиниція придожити, и весь шаръ земскій, весь міръ просвѣтитесь украинщиною! Чижъ не свѣтла, пресвѣтла, славна будущицесть для Украины, статись просвѣтительскою всего міра?! Но чи то не за претенсіонально? Вы сами скажете, що такъ не понималисте. Припустѣмъ! Но советѣмъ иначе и тогда повинна была выпасти конклюдія, еслибъ Вы въ дефиницію — якъ слѣдовалобъ и якъ мы хочемъ Васъ разумѣти — были вложили — „это не только литература на народномъ украинскимъ языкѣ, это передача украинскому народу результатовъ міровой цивилизаціи на украинскомъ языкѣ.“

Понеже Вы бороните децентрализацию въ литературномъ взглядѣ, понеже сами кажете, що Галиччине мусять въ своихъ языковыхъ, соціальныхъ и пол. обставинахъ старатись про освѣту, то чомужъ таки однакъ твердите, „що одно изъ лекарствъ на художество рутенское есть особенно украинщина?“

А межѣ тымъ на Вашъ запросъ: „Что же такое рутенщина?“ мы въ полномъ правѣ сказати: „Рутенщина, (або русинщина або галиччина), — то не только литература на галицко-чи рутенско-народномъ языкѣ, то передача галицкому, народу результатовъ міровой цивилизаціи на понятномъ ему языкѣ — отже галицкомъ, чи якъ Вы кажете съ иронією „рутенскомъ“ и прч. прч. точь въ точь то само, що Ваша „украинщина.“ И такъ само думали мы и тогдѣ, коли писали Вамъ отвѣдъ, хотя высказали то иными словами: „цѣлюю нашою газеты есть разбудити народное чувство у молодежи“ а дальше где-инде (т. е. въ популярныхъ изданияхъ, спеціально для народа назначеныхъ, якъ общества Качковского) абы подати темному народови найпотребнѣйшій вѣдомости политичныхъ и науковыхъ.“ Такъ само, якъ Вы здефинювали свою украинщину, думаете и нынѣ каждый искренній патриотъ у насъ о Галичинѣ.

Якъ бачите, мы не розходимся въ основныхъ гадкахъ, а недорозумѣнья походятъ только зъ Вашою вины, бо якъ мы то справедливо сказали еще въ першій отвѣдѣ, та и теперь въ Ч. 6, Вы за субъективно относитесь до насъ, стоите все таки на грунтѣ украинскомъ, и говорите яко родовойтъ украинецъ, выдачій совершенство въ своемъ.

Кромѣ той причины есть еще друга. Вы хотите осуществити теорію, котру розвинули Вы дуже красно въ „Правдѣ“ именно: куда мае ити украинска литература въ Россіи, щобъ сталась посередникомъ межѣ великорусскою и прочими славянскими литературами взагалѣ а нашою особенності, щобъ выкликала межѣ ними тѣснѣйшу связь, котрой такъ дуже бажаетъ Славянъ повѣйшими часами. Вы все таки хочете перше сблизити насъ, Галичанъ, съ Украинцами (въ Россіи), щобъ мы могли войти въ общеніе съ прочою Россією, бо, кажете, що лекше порозумѣтись перше Малороссамъ а „украинска литература е дитина Россіи XIX-го в., и черезъ те мусить жити и рости, поки Россія е Россією,“ а дальше „Украинці добували сі европейскі идеи и напрямки (сентиментализмы, романтизм, национализм (славянофильство), демократизм) не стѣльки прямо зъ европейскихъ литератур, сколько черезъ российску литературу“ (Пр. зъ 1874 ст. 21), Однакъ, ради Бога, вскажѣтъ намъ ту литературу украинску зъ котрой маемъ зачерпнути народовства, демократизму! Такъ сами кажете, що можна ю всю на одну полицю зметити, що галицка литература съ своимъ переважнымъ национализмомъ може стати дуже выключною, дуже узкою по интересамъ, дуже провинциальною, коли буде гудуватись только зъ власныхъ жерель, но що „Украина одна побосити не може, бо якъ би тамъ не було дальш, а на тепер а значить и на довго, Украина сама бере широкі идеи и интереси зъ російскою литературою, у нѣй бачить образці сеговичні — наукові, педагогичні и поэтичні.“ („Правда“ зъ 1874 стор. 299) а дальше „російска ж литература, черпаюча зъ усеіхъ европейскихъ у послѣдкі года, та и за всегдѣ маюча наибольшу прихильність до англійскою, — моглабъ дати Галиччанамъ ріжні формы идей для поровнянія зъ теми, которі дае німецка литература,“ що безъ сомнѣнія на насъ головно вліяе, а все таки мае свою німецку узбѣсть.

А помимо того всего, все таки радите намъ украинщину. Чомъ не кажете прямо зачерпнути у жерела, у тоижъ „російскою“ богатой литературы? Не перечимъ, може бути, що суть люди на Украинѣ, котрі понимаютъ украинщину такъ, якъ Вы представили, — но где суть ихъ дѣла? где литература украинска, посредствомъ котрой маемъ войти въ общеніе? а котрабъ популяризовала европейскіи идеи.

Подайте намъ ю, мы не будемъ ей демократ. идеи цуратись, подобно якъ не цураемся общечеловѣчныхъ, широкихъ идей „російскою“ литературы, а радо зъ нею хочемъ для нашего народа користати, о сколько по матеріальній средства позволять. Советуючи же такъ якъ теперь дѣла стоить, украинщину, вмѣсто усунути недорозумѣнія межѣ нашими партіями, можете ввести многихъ въ еще больше недоумѣніе. (Кон. слѣд.)

Отозва до членовъ Общества им. М. Качковского.

Послѣдними часами доходятъ до насъ частѣйше жалобы, що многіи вписавши въ члены Общества нашего и сложивши даже членскую вкладку, не получаютъ нѣ грамотъ нѣ 4-хъ изданій, до теперъ уже выйшовшихъ.

Понеже случается, що многіи изъ реклямуючихъ не суть втягнені въ книги общества яко члены, (слѣдовательно и вкладки ихъ не вилынули), зъ другой же стороны, понеже Выдѣлу якъ найбільше на томъ залежить, чтобы чѣмъ скорше упорядковати дѣла зъ кончающегося года, взглянути въ

причину вкоренившогося зла, кого слѣдует до отвѣчательности потягнута и неоставшихся должникомъ передъ членами Общества съ новымъ годомъ (въ Маѣ) начати органичный трудъ на основаніи теперь уже готового регулямина, — рѣшили Выдѣль на послѣднемъ своемъ засѣданіи зъ дня 6. с. м. завозвати всѣхъ тыхъ членовъ, що мають яку претенсію зъ титулу членскихъ вкладокъ а именно котри не получили або грамоты, або ккоторого изъ появившихся до теперь 4-хъ изданій, чтобы изволили найдалше до кѣнца Апрѣля письменно або устно до Выдѣла отнестись, подаючи при томъ, на чіи руки и коли они сложили свои членскіи вклады.

Заразомъ упрашаемъ тыхъ нашихъ членовъ, котри, получивши изданья общественныя, до теперь суть еще въ рестаціи съ вкладками за г. 1875, о якъ найскоршу приехали тыхже; не меньше просимъ всѣхъ, кому добро и приуспѣванье нашего Общества а посредственно нашего народа лежить на сердци, чтобы середъ радости и веселія Великоднихъ святъ пригадали собѣ, що Общество им. Качковского начинае съ Маемъ новый годъ а потребуе капитала, котрый почивае въ дрѣбныхъ членскихъ вкладкахъ за г. 1876. —

Отъ Выдѣла общ. им. Качковского.

Новинки.

Въ отвѣтъ г. Эксъ, геніальному театралноу рецензенту „Друга Народа“. вмѣсто старатись о то, чтобы марно не пропадали для народа силы ни одной единиці интелегентной, вмѣсто стремити и захоочувати другихъ до совокупного труда около просвѣщенія народа, — Вы г. Эксъ (чи СПБ. Вѣд?) дѣлаете на перекобъ програмъ первого Н-ра, на перекобъ самому заглавію газеты, — оказуетесь злымъ ворогомъ народа, вносите новый розладъ и нову сварню, а то, що есть у насъ домашнимъ непорозумѣніемъ и дома повинно залагодитись, хочете зроби ти каменемъ проткновенія, новою кѣсткою незгоды межи молодежею. Подъ предлогомъ рецензіи театра, стараетесь подкѣпати довѣріе публики до „Акад. Кружка“, увѣрениы що таяжь Публика такъ и повѣритъ кѣлькомъ Вашимъ словамъ и клеветамъ, не вглядючи въ факта. Бо зъ малочисленности львовской публики на представленья театра, вносити на потерю симпатіи у всего русского общества, то зможе только такой смѣлый, и геніальный критикъ якъ Вы, г. Эксъ, котрый кромѣ того увѣрае, що „въ „Акад. Кружку“ произошли дѣйствительно въ теченіи сего семестра, событія, которыи могутъ лишь наполнити печалью душу всякого, кто не равнодушень къ судьбѣ подрастающаго поколѣнья... Карьера сдѣлалась кумиромъ одной части студенческаго общества „Милостивый г. Эксъ, у насъ послѣдними часами за много написались про карьеровичей, та къ сожалѣнію, писали тіи, которыи въ свой способъ добивались карьеры. То само съ чистою совѣстью можемъ сказати о Васъ et Comr. Закидуйте болшыство членовъ „Акад. Кружка“ стремленіе до карьеры, но того не въ состояніиу Вы довести (бо о якѣй карьерѣ академикъ думати, кромѣ н. пр. о 2 лѣтной бесплатной авскультантурѣ або аппликантурѣ), Вамъ же можемъ то дуже легко выказати, бо Вы идете „за настроеніемъ, которое у насъ считается (но чи есть?) общимъ“ зна чить, хочете заслужити на назву (псевдо) патриота а въ дальнейшей перспективѣ на .. но не мыслите про и родъ. А може Вы хочете конкуренцію „Друга“ знищити! Скажемъ прото коротко: вы-

лѣзло шило зъ мѣшка, но заразомъ порадимо, що лучше честна конкуренція, нѣжь скандалы въ родѣ тыхъ, якыи были передъ кѣлькома лѣтами межи польскими газетами.

— **Любовныи письма** русскаго Царевича. Люб пытныи рѣчи читаемъ въ нѣмецкихъ часописьмахъ описующихъ путешествіе Великомо князя Алексія Александровича по Соединенныхъ Статахъ въ Америкѣ (1874) Такъ подъ часъ пребыванія въ Новѣмъ Йорку обышано молодого царевича, котрый собою есть и красныи мужчина, тьмою любовныхъ письмъ. Американьскіи lady, побачивши русскаго царевича потратили, — кажется, — совершенно головы и сердца, бо межи тыми листами знаходилося множество писаныхъ дамами изъ найзнатѣйшихъ родинъ. Первыи изъ тыхъ billets d'amour читалъ Великій князь съ великимъ удовольствіемъ, который бо 22 лѣтній молодець — хотябы и сынъ русскаго Царя — не здѣлалъ бы того! Но по недолгомъ часѣ дѣлая тая рѣчь стала немного скучною. Вторую половину тузина заледво читано, третью же даже нерозпечатовано. Въ коонецъ дѣлу тую кореспонденцію велѣлъ Великій князь въ пакетъ звязати и яко curiosum на будущии времена въ память своего путешествія по Америкѣ до Россіи отбслати. Въ скорь однакомъ по томъ получилъ изъ Петербурга донесеніе, що все прочое, современно нимъ отбсланное, точно до Петербурга прибыло, фамозныи же пакетъ съ листами вразъ съ куріеромъ, имѣвшимъ тойже доручити пропаль. Зауважалъ заразы вел. князь, що листы тіи могли бы употребленными быти до дѣлей не совсемъ похвальныхъ; удале прото телеграфичною дорогою до своего отца, Царя Александра съ прошеніемъ, ужити всякихъ средствъ, чтобы помянутыи деликатныи листы — где будь они бы не были — вынайти. Петербургскій министръ полиціи, Треповъ, получилъ указъ, сей часъ своихъ агентовъ порозсылати и всюду за пропавшимъ пакетомъ и куріеромъ слѣдити. И русскаой полиціи, маючой добрый нюхъ, удале въ коонецъ по многихъ трудахъ такъ листы якъ и куріера въ Брюсселѣ выслѣдити. Куріеръ былъ власне занятый корректою книги, въ котрой мали быти всѣ тіи листы выпечатанными, а будучи дуже недискретнымъ вырховалъ не зле, що такавая книга огромную сензацію бы сдѣлала и особливо за Океаномъ безсомнѣнно множество читателей и читальницъ бы собѣ приобрѣла. Но агенты русскаой полиціи помѣшали троха его намѣренію; они забрали такъ листы якъ и куріера съ собою въ Россію, печатаніе же книги заказали.

Переписка. Г. Яр. Гол изволить прислати менѣ мой зборничокъ народныхъ пѣсень М. П. — Дж въ Колом. Чому не принялисте рочникъ 1875 за послѣплатою, якъ того хотѣли? г. М. Др. въ Вѣнѣ: просимо!

Съ симъ числомъ кѣнчится первый кварталъ 1876 — просимо прото о присылку залеглостей а всѣхъ тыхъ, котри хотять пренумеровати и на дальше „Друга“ о скорѣ надбслань предплаты: съ 8. бо числомъ зневоленіи будемъ высылати тѣлько пренумерантамъ неостающимъ въ рестаціи.

При томъ звертаемъ увагу нашихъ прен. на опаску, на котрой написано буде кождому, доки уплатилъ за наше письмо за 1875.

Содержанье: Денись, прод.; Петрѣи и Добошукы, часть втора, прод.; Листы зъ Исландіи, прод.; Изъ усть народа: Местъ матери, коонецъ; Отповѣдь на „второе письмо г. Украинца; Критика (Стрижокъ Щипавки; Отозва общ. им. Качковского. Новинки.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчае Алексей О. Зафѣвскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійскаго во Львовѣ 1876.

До того числа слѣдуетъ додатокъ.